

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

ЯГ АЙЛО –
КНЯЗЬ
ЛИТОВСКИЙ

Геннадий Левицкий

Ягайло – князь Литовский

«Автор»

2017

Левицкий Г. М.

Ягайло – князь Литовский / Г. М. Левицкий — «Автор», 2017

ISBN 978-5-444-0168-2

Восточная Европа – 1377–1385 гг. Хронологический отрезок отличается обилием событий, имевших исключительное значение, как для Литовского государства, так и для соседей: Московского княжества, Золотой Орды, Польши, Тевтонского ордена. Междоусобные войны литовских князей после смерти Ольгерда, Куликовская битва и взятие Москвы Тохтамышем, бесконечная борьба Литвы с крестоносцами. И, наконец, история о том, как юную польскую королеву Ядвигу вырвали из объятий эрцгерцога австрийского Вильгельма и вручили, вместе с короной, литовскому князю. События невероятные, но реальные – роман написан профессиональным историком по материалам средневековых хроник и летописей.

ISBN 978-5-444-0168-2

© Левицкий Г. М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

От автора	5
1. Спеши, князь!	7
2. Ольгерд	11
3. У княжеского ложа	16
4. В последний путь	21
5. Княжеский совет	26
6. Послы Ордена	30
7. Как быть?	33
8. Ягайло начинает действовать	36
9. В Москву	40
10. На торге	43
11. Возвращение купца	47
12. Бессонница Кейстута	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Геннадий Михайлович Левицкий

Ягайло – князь Литовский

От автора

Великое княжество Литовское во времена правления Ольгерда (1345–1377 гг.), Ягайлы (1377–1392 гг.), Витовта (1392–1430 гг.) выросло в гигантское по территориальным размерам государство. Северные границы его омывались суровыми водами Балтики, южные – достигали Черного моря. В 14–15 веках Литовское государство включало в себя земли нынешних Беларуси, Украины, Литвы и значительную часть собственно русских земель.

Этот интереснейший временной отрезок нашей истории достаточно подробно освещен в трудах русских дореволюционных исследователей: Соловьёва С.М., Данилевича В.Е., Брянцева П.Д., Барбашева А. и др., но в художественной литературе героическая эпоха почти не отражена. Читатели увлеченно знакомились с историей Англии, Франции по произведениям А. Дюма, В. Скотта, М. Дрюона и даже не подозревали, что отечественная история может быть не менее занимательна, чем события Столетней войны.

Казалось бы, все вопросы по ВКЛ исчерпаны еще в **XIX столетии**. Однако в наши дни интерес к государству, сопоставимому с империей Карла Великого, неожиданно возрос. С распадом СССР историки стран, чьи территории входили в состав ВКЛ, принялись деятельно изучать, казалось бы, давно **рассмотренные и получившие оценку вопросы**. Естественно, они пытаются преувеличить роль собственных народов в жизнедеятельности древнего государства.

В результате множества публикаций историков нового направления, которое получило название фолк-хистори, некоторые моменты истории Великого княжества Литовского стали выглядеть чрезвычайно запутанными. Но автор романа не стремился повторять фантастические новейшие теории. Вольное обращение с фактами ведет к утрате доверия к исторической науке в целом, а потому сегодняшний день ставит задачу: вернуть читателю историю такой, какой она была.

Роман написан в форме, близкой к летописанию. Это обусловлено тем, что автор во всем, даже в мелочах, опирался на сведения летописей, хроник, сообщения средневековых путешественников. Почти все действующие лица произведения являются реальными историческими личностями.

В романе нет главного героя. Вернее, их несколько: Ягайло, Дмитрий Донской, хан Мамай, Витовт... Их портреты нарисованы, по возможности, без личных симпатий и антипатий. В то же время герои романа живые, реальные люди, с поступками логичными и не вполне разумными, которые, тем не менее, подтверждаются историческими документами. Историк временами побеждал писателя, но вместе с тем, избранная форма позволяла наиболее полно и реально представить эпоху грандиозных перемен. События происходили настолько знаковые для Восточной Европы, что их невозможно обойти стороной, как невозможно и вместить в рамки традиционного романа.

В некоторых случаях, когда данные разных источников противоречили друг другу, приходилось выбирать оптимальный вариант, руководствуясь интуицией и логикой. Так, например, согласно русским летописям великий князь литовский Ольгерд принял православие и перед смертью постригся в монахи. В немецкой же хронике утверждается, что Ольгерд умер язычником, и его тело сожгли на костре вместе с боевыми лошадьми и прочими жертвоприношениями. Выход был найден, но об этом пусть читатель узнает на страницах книги.

Приверженность документализму не означает, что мы не будем подвергать сомнению спорные исторические моменты. Под влиянием новых публикаций в романе пересмотрено

отношение к некоторым историческим личностям и событиям. Так, о рязанском князе Олеге бытовало единодушное мнение как о предателе земли русской. Однако, статья Шахмагонова Ф. «Секретная миссия рязанского князя», а также Надинова А. «Старым повесть, а молодым память», и последующее изучение источников, показали, что нет оснований характеризовать Олега рязанского только с отрицательной стороны.

Произведение охватывает небольшой промежуток времени. Начинается оно со смерти Ольгерда в 1377 году, заканчивается заключением Кревской унии между Великим княжеством Литовским и Польшей летом 1385 года. Однако этот короткий хронологический отрезок отличается обилием событий, имевших исключительное значение, как для Литовского государства, так и для его соседей: Московского княжества, Золотой Орды, Польши, Тевтонского ордена. Междоусобные войны литовских князей после смерти Ольгерда, Куликовская битва и нашествие Тохтамыша, борьба жителей Великого княжества Литовского с крестоносцами, история появления на польском троне юной прекрасной королевы и литовского князя – обо всем этом можно прочесть в романе.

1. Спешите, князь!

Во дворе ярко светило солнце. Весело чирикали неугомонные воробьи, занятые поисками пищи. Медленно катил тележку с бочкой водовоз. Его фигура, склоненная к земле, говорила о том, что бочка наполнена водой. Игривые белокурые девушки развешивали белье на пеньковые веревки. От многочисленных амбаров и поветей к замку и обратно сновали слуги, таская горшки, мешки и прочую утварь. Из крепостных ворот конюхи выводили на пастбище горячих княжеских жеребцов. Жизнь Виленского замка текла обычным руслом.

Косые лучи солнца уже давно проникли в почивальню князя Ягайлы Ольгердовича. Широкими и узкими полосами они пересекали комнату и княжеское ложе, словно подтверждая, что день вступил в свои права. Однако молодой князь не торопился вставать. Будучи человеком немного ленивым, к тому же не обремененным государственными заботами, он любил понежиться в постели из лебяжьего пуха, предаваясь сладостным мечтаниям, воспоминаниям об охоте, пирах и прочих забавах. Едва заметная улыбка, тронувшая уста князя, подтверждала наличие приятных мыслей в данный момент. Будто предчувствуя, что предстоит пережить беспокойный день, юноша не спешил расставаться со столь приятным местом для раздумий.

Но вот в запутанном клубке мыслей молодого князя возник образ отца. Воспоминание о нем согнало приятную улыбку с лица и заставило приподняться в постели. «Надо проведать старика, – подумал он. – Ведь я уже дней пять его не навещал».

Ягайло сбросил одеяло и опустил ноги на мягкую медвежью шкуру, посланную на дубовом полу.

– Богдан! – громко позвал Ягайло.

На звук голоса князя дверь отворилась, вошел человек лет пятидесяти, остановился у порога и низко склонил в почтении голову. Еще мальчиком он был захвачен литовцами во время набега на Волынскую землю и служил Ольгерду. А тот, впоследствии, подарил несчастного раба Ягайле.

– Мне надо умыться, Богдан. Принеси воды, но не слишком холодной.

Холоп получил приказание и поспешил удалиться, а Ягайло поднялся с постели и подошел к окну. Медленно потягиваясь, он раздвинул правой рукой занавесь и ослеп от яркого солнца. Понемногу привыкая к свету палящих лучей, Ягайло начал осматривать замковый двор. За этим занятием и застал его Богдан, вошедший с деревянным ушатом, на две трети наполненным водой. Он поставил ушат на скамью и обратился к господину:

– Вода подана, князь.

– Хорошо, Богдан, – проворчал Ягайло, наблюдавший в это время за девками.

Недовольством в голосе прикрывался конфуз: словно его застали за неблагоприятным делом. Впрочем, долго конфузиться перед слугой князю не пристало, и хорошее настроение не замедлило вернуться.

Подойдя к ушат, он запустил туда длинные руки и, черпая ими воду, начал поливать лицо, шею и грудь, обильно орошая брызгами заодно пол, стены, подушку и своего слугу, терпеливо ждавшего новых распоряжений.

– Погода-то, какая, Богдан! – восхищенно воскликнул Ягайло, снимая полотенце с плеча слуги.

– Великолепная, князь, – послушно согласился Богдан.

– Накрой-ка мне завтрак во дворе под липой, — выразил пожелание Ягайло. — Да скажи конюшему заседлать коня. Ганко тоже поедет со мной – предупреди его.

– Далече собираешься, князь?

– Не твоего ума дело.

- Да я к тому: оружие и доспехи приготовить тебе или нет? – обиженно произнес слуга.
- Доспехи не надо. При такой жаре я в них к полудню сварюсь, как поросенок в котле.

А меч, пожалуй, возьму, – подумав мгновение добавил Ягайло. – Принеси тот, что полегче – миланской работы.

В следующий момент дверь почивальни распахнулась, и в комнату, тяжело дыша, влетел Войдылло. Лицо его было красным. Со лба, минуя брови, на горящие щеки стекали струйки пота.

Поскольку этот человек будет неоднократно встречаться в нашем повествовании, то следует дать некоторые пояснения. По происхождению Войдылло был холопом. Возможно, он так бы и состарился в этом звании, как Богдан, если бы волею случая или судьбы не попался на глаза великому князю литовскому Ольгерду. Смышлениый, подвижный мальчишка понравился князю, и тот взял Войдыллу к себе в услужение.

На первых порах холоп стелил постель Ольгерду, подавал на стол, выполнял мелкие поручения, умея при этом угодить князю. Но, кроме услужливости, Войдылло отличался от прочих слуг глубоким умом и природной смекалкой. Любопытный юноша рано начал интересоваться жизнью княжеского двора и государственными делами. Со временем он стал в курсе всех событий в Литовском княжестве.

Проницательный Ольгерд, умеющий по достоинству оценить человека, увидел в молодом холопе тонкого дипломата, обладающего незаурядным чутьем. Он начал приглашать Войдыллу за трапезный стол и спрашивать: как тот поступил бы в различных жизненных ситуациях. И, как правило, мнения по поводу взаимоотношений с друзьями и врагами Литовского государства у великого князя и холопа совпадали. Сначала князь делал это больше из любопытства, чтобы убедиться в правильности своих мыслей, но со временем он начал спрашивать совета у Войдыллы по более сложным вопросам политики, когда и сам затруднялся принять решение. И опять ответ слуги был верным, дельным, и, иногда, единственно приемлемым. Войдылло заменил Ольгерду и княжеский совет и многочисленных бояр, постоянно пытавшихся направить взор великого князя литовского в нужную им сторону.

Неожиданное возвышение холопа было явно не по душе именитым князьям государства, оставшимся не у дел. В ту пору в Литовском княжестве уже проходило время, когда люди добивались высокого звания благодаря глубокому уму и воинской доблести. И бояре неоднократно пытались опорочить слугу в глазах Ольгерда. Однако Ольгерд, прекрасно понимавший цену лживых доносов своих завистливых подданных, еще больше возвеличил Войдыллу. То ли назло боярам, то ли в знак привязанности к слуге, а может по своей прихоти, Ольгерд отдал Войдылле город Лиду.

Получив удел, Войдылло не покинул могущественного покровителя, а по-прежнему оставался верным его слугою. А город Лиду он поручил заботам старшего брата.

И вот, этого человека, в крайне возбужденном состоянии, мы видим на пороге почивальни Ягайлы.

– Что случилось Войдылло? У тебя вид затравленного зайца, за которым гналась дюжина борзых, – удивился Ягайло, встревоженный внезапным появлением любимчика отца, успевшего стать и его другом.

– Беда князь, – с трудом выдавил Войдылло, хватая воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Что с отцом!? Умер?.. – теряясь в догадках, закричал Ягайло.

– Он жив. Хотелось бы тебя утешить, князь, но дела твоего отца и моего благодетеля совсем плохи. Видно, сегодняшнего дня он не переживет. Предчувствуя кончину, великий князь велел созвать в свою суровую обитель потомков Гедимины; всех, кто в данный момент

находится в Вильно или его окрестностях. Ольгерд желает попрощаться и объявить последнюю волю.

Лицо Ягайлы застыло от такой речи княжеского любимца, зрачки глаз расширились, а руки судорожно сжали штаны, которые он собрался, было, одевать. Потом князь вдруг набросился на бедного Богдана, и без того стоявшего ни живым, ни мертвым:

– Что стоишь, скотина безмозглая!? Бегом найди Ганко. И чтоб, когда я выйду, оседланные лошади ждали под башней, а ворота были распахнуты.

Немолодой холоп вылетел из комнаты со скоростью выпущенной из арбалета стрелы, а Ягайло вновь обратился к Войдылле:

– У кого из князей ты был?

– Ты первый, кому я передал повеление Ольгерда. Не знаю, как быть, – после недолгих раздумий произнес Войдылло. – Когда утром я скакал к нашему господину, мне повстречался князь Андрей Полоцкий со сворой борзых и толпой загонщиков. Наверное, он поехал охотиться к дальним озерам. Нелегко будет его найти.

– Действительно, мы его не найдем, – при этих словах князь многозначительно посмотрел на Войдылло, продолжая натягивать на правую ногу короткий остроносый сапог с небольшим каблуком – новинку немецких ремесленников. – Послушай, Войдылло, а может, великий князь не так плох, как ты утверждаешь? Дней пять назад я видел его крепким стариком, и он вовсе не собирался умирать. Отец тогда еще встал и проводил меня до двери.

– Не обольщайся надеждами, Ягайло. Ты же знаешь: князь Ольгерд никогда не ошибается. И если он сказал, что умрет сегодня, значит, так оно и будет. Спешу князь, если хочешь успеть попрощаться с отцом и выслушать его последнюю волю.

– Ты прав, Войдылло. Отец никогда не ошибался.

– Я с твоего позволения зайду к великой княгине и князю Кейстуту.

– Да-да, конечно. Ступай, друг мой.

Войдылло вышел, а следом за ним спустился по лестнице и Ягайло. На ходу он застегивал легкий кафтан. Распахнув со скрипом дверь, князь наткнулся на Богдана. Слуга держал в руках широкий пояс с узорчатой пряжкой. На червонном золоте ее играли кровавые рубины, разбуженные солнечным светом. Через определенный промежуток красивые камни, вставленные в серебряные окна, слегка покрытые чернью, сопровождали пояс по всей длине. Над поясом высилась рукоять легкого меча, которая заканчивалась золотым изображением свирепого льва. Глаза льва светились драгоценными камнями редкой красоты.

Ягайло любил красивое, дорогое оружие, большей частью бесполезное в бою. Князь принялся застегивать пояс поверх кафтана, а слуга между тем поддерживал меч, прикрепленный к поясу серебряными цепями.

В это время тяжелая дверь вторично распахнулась. На выложенную камнем дорожку ступил богатырь в русской кольчуге из массивных колец. Несмотря на его гигантский рост и широкий размах плеч, лицо воина казалось совсем юным. По крайней мере, можно было с уверенностью сказать, что юноше не более двадцати лет.

– Ганко, зачем ты напялил это железо? – вместо приветствия спросил Ягайло.

Тяжелая кольчуга была одета явно не ко времени. Однако Ганко слишком долго копил на нее деньги и только вчера позволил себе дорогостоящую покупку. Как малый ребенок он искоса любовался своим приобретением, поглаживал руками и даже не замечал, что светит солнце, а кольчуга весит почти три пуда.

– Она мне милее, князь, чем рубашка, вышитая руками прекрасной Ружанки, – с улыбкой признался богатырь, еще ничего не ведавший о визите Войдыллы. Богдан умел хранить господские тайны, ибо знал, что за каждое лишнее слово придется платить исхлестанной плетью спиной, а возможно и головой.

Ганко довольно скоро понял, что князю не до шуток, и принялся молча одевать островерхий шлем с прикрепленной к нему бармицей из мелких круглопроволочных колец.

– Поехали, Ганко, – с этими словами Ягайло вскочил на гнедого жеребца.

Придерживая одной рукой меч, Ганко взобрался на рослого тяжеловоза, который при этом самопроизвольно подался вперед.

Под провожающий взгляд слуги Ягайло и Ганко выехали из крепости. Ведя на ходу беседу (это было видно по их повернутым друг к другу лицам), оба всадника начали спускаться к Нижнему городу.

Оставим молодых людей в пути, а сами перенесемся в конечную точку их путешествия.

2. Ольгерд

Верстах в двадцати от столицы Литовского княжества, на берегу Вилии расположился монастырь. В нем и находился в монашеском сане бывший глава государства, князь Ольгерд – отец Ягайлы.

Чтобы яснее уразуметь ход нынешних событий, вернемся немного назад и кратко проследим жизненный путь этого человека, поскольку его имя неразрывно связано с историей Великого княжества Литовского.

От отца своего – великого князя Гедимина – Ольгерд получил во владение Крево. Вступив в брак с витебской княжной, у отца которой не было сыновей, он после смерти тестя стал еще и обладателем Витебского княжества. Тем временем, в 1341 году покинул суетный мир Гедимин, а великокняжеский стол перешел к его сыну Евнутию. Последний получил это место не по старшинству, так как был самым младшим из семерых сыновей Гедимина. В составлении завещания немалую роль сыграла его мать – третья жена Гедимина.

Такое положение вещей явно не устраивало остальных князей-Гедиминовичей, и, в особенности, деятельного Ольгерда. Он сговорился со своим братом, трокским князем Кейстутом, свергнуть с литовского трона маменькиного любимчика Евнутия.

В назначенный день Ольгерд не успел подвести войско к литовской столице. Князь Кейстут, видя, что их планы раскрыты и далее медлить нельзя, один решился на приступ Вильно. Сражение окончилось удачно для Кейстута, и город вместе с князем Евнутием оказался в его руках. Когда пришел Ольгерд, то Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильно, ты старший брат, а я с тобой буду жить заодно». И посадил Ольгерда на великом княжении в Вильно, а все князья принесли ему клятву верности.

Ольгерд и Кейстут были сыновьями Гедимина от второй его жены – русской княжны Ольги. Они вместе росли, воспитывались и были лучшими друзьями. Детской дружбе они остались верны всю последующую жизнь. Братья совместно управляли Великим княжеством Литовским вплоть до смерти старшего из них – Ольгерда.

Ольгерд был прирожденным государственным деятелем, и трудно найти более достойного претендента на великокняжеский трон. По характеристике летописца, он был умен, говорил на разных языках, не любил забав и занимался делами государственными день и ночь, был воздержан, вина, пива, меду и никакого хмельного напитка не пил и от этого приобрел великий разум и смысл, коварством многие земли повоевал и увеличил свое княжество.

Кейстут, несмотря на то, что приходился родным братом Ольгерду, являлся полной его противоположностью. Его доброму сердцу более присуще благородство, чем коварство. В редких случаях Кейстут нарушал свои принципы, но тогда он испытывал неисчислимые муки совести. Свергнутому им же Евнутию, он выхлопотал у Ольгерда Изяславское княжество. Не чуждался Кейстут и мирских забав: он с удовольствием пил с гостями заморское вино и крепкие русские меды.

К достоинствам Кейстута нужно причислить храбрость, отвагу, граничившее с безрассудством. Неоднократно приходилось ему вступать в жестокие схватки с крестоносцами и выходить из них победителем. Однако политик из младшего брата Ольгерда был никудышный, и едва ли он удержался бы на великокняжеском троне, если б его не поддерживала и не ограждала от коварства врагов могучая рука брата. Ольгерд помнил, что Кейстуту он был обязан великокняжеским тронном.

Годы их совместного правления, с 1345 по 1377, прошли в военных походах. Все приграничные государства ощутили на себе удары воинственных сыновей Гедимина. Особенно опасен был Ольгерд. Воевал он не столько силой, сколько хитростью и мудростью. Решения

свои принимал единолично, и никто не знал, ни свои, ни враги, поля какого княжества будут топтать завтра литовская конница. Ольгерд отличался большой осторожностью, он редко ввязывался в битву, если сомневался в исходе ее в свою пользу. Литовским походам, как правило, предшествовала длительная разведка сил противника, его взаимоотношений с соседними княжествами.

Основным объектом нападений литовцев были русские княжества. Еще в 1341 году Ольгерд появился под Можайском, опустошил окрестности, пожег посад, но самого города взять не смог.

Чтобы разбить своего главного врага – Московское княжество – Ольгерд не гнушался никакими средствами. В 1349 году он послал своего брата Кориада в Золотую Орду с предложением о совместном нападении на Москву. Однако хан Джанибек раскусил коварство литовского князя: разгромленное Московское княжество становилось легкой добычей литовских князей, и хан потерял бы ту огромную дань, которую тогда еще регулярно платила русская земля. Поэтому Джанибек отдал Кориада тому, против кого замыслился поход – московскому князю Симеону.

Ольгерду ничего не оставалось, как слать посольство с дарами и челобитьем к Симеону. Литовский князь, без лишних эмоций, оценил обстановку и пришел к выводу, что в данный момент выгоднее дружба с московским князем чем война. К тому времени оба брата: Ольгерд и Любарт, женатые и прежде на русских княжнах и овдовевшие, прислали сватов к Симеону просить за себя двух его родственниц. Любарт – племянницу, княжну ростовскую, а Ольгерд – свояченицу, княжну тверскую.

Союз Москвы с Литвой, даже скрепленный двумя браками одновременно, не мог быть прочным. Это была лишь временная вынужденная уступка Ольгерда. Ибо он, стремясь к распространению своей власти на Северо-восточную Русь, понимал, что достичь цели можно только после разгрома Московского княжества. Более того, новая жена Ольгерда не только не способствовала примирению Литвы с Москвой, наоборот, она нашла своему мужу союзника в русских землях, неподвластных Москве.

С конца 60-х годов 14-го века началась длительная борьба между великим князем московским и тверским князем Михаилом Александровичем. Эту вражду, как и недовольство других князей объединительной политикой Дмитрия Ивановича московского, умело использовал Ольгерд. В 1368 году тверской князь обратился к нему за помощью, и Ольгерд не упустил возможности вмешаться в распри соседей. С большой ратью он неожиданно вторгся в пределы русских княжеств, разбил князя Семена Дмитриевича стародубского, потом в Оболенске убил князя Константина Юрьевича, наконец, 21 ноября на реке Тросне разбил московский сторожевой полк и беспрепятственно подошел к Москве.

Три дня стоял Ольгерд под новым московским кремлем, но взять его так и не смог. Отступая, литовцы опустошили окрестности Москвы, забрали в плен бесчисленное множество народа и весь скот, который нашли в окрестных селах. Несмотря на то, что литовцам так и не удалось взять Москву, урон был нанесен ощутимый. Впервые за последние сорок лет, то есть, начиная от первого года княжения Ивана Калиты, Московское княжество испытало неприятельское нашествие.

Новый поход Ольгерд предпринял в 1370 году опять же по просьбе князя Михаила Александровича тверского. Зимой, в рождественский пост, Ольгерд двинулся на Москву с братом Кейстутом, Михаилом тверским и Святославом смоленским. Разорив посад у Волока-Ламского, они 6 декабря осадили Москву. Однако боязнь перед собиравшейся в Перемышле московской ратью заставила Ольгерда снять безуспешную осаду кремля и уйти в свое княжество.

Еще менее удачным был третий поход литовцев на Москву, предпринятый ими в 1372 году. На этот раз Дмитрий московский встретил Ольгерда у Любутска и разбил сторожевой литовский полк. После этого Ольгерд отступил и отказался от продолжения борьбы с Москвой.

Ольгерд пытался подчинить своему влиянию даже такие далекие от Литвы города как Новгород и Псков. В 1346 году он вторгся в новгородские владения и опустошил их по рекам Шелони и Луче.

Крупную победу одержал Ольгерд над татарами при Синих водах. В результате ее Подолия была очищена от татар и укреплены южные границы Великого княжества Литовского.

Активной внешней политике литовских князей мешал Тевтонский орден, обосновавшийся на северо-западных границах Литвы. Ежегодные вторжения немецких рыцарей привели к тому, что территория Литвы, граничащая с государством крестоносцев, на многие десятки верст превратилась в пустыню. Целыми деревнями население Жемайтии¹ и Аукштайтии² снималось с насиженных мест и искало спасения в центральных районах страны. Но и здесь их часто настигал меч закованного в броню «Божьего слуги». Так, в 1346 году вновь избранный великий магистр Ордена Генрих фон Арфберг подошел к Трокам, опустошил их окрестности и разбил в злой сече полки Ольгерда.

Правда, и литовцы, вторгаясь на территорию Ордена, с лихвой платили за разорение своих областей. Успехи сменяли неудачи, и в целом, государство крестоносцев продолжало оставаться дамокловым мечом, висящим над Великим княжеством Литовским.

Неудачно для Литвы шла борьба с Тевтонским орденом и при наследнике Арфберга Винрихе фон Книпроде. В 1360 году Ольгерд, Кейстут и сын последнего Патрикий сошлись с великим магистром на границах литовских: битва продолжалась целый день, и рыцари одержали победу. Более того, Кейстут, сброшенный с лошади, попал в плен и был отвезен в Мальборк – столицу Ордена.

С помощью соотечественника, бывшего слугою в Мальборкском замке, ему удалось бежать к своему зятю, князю Яношу мазовецкому. Вместе с польскими рыцарями Кейстут отомстил немцам, взявши у них два замка и, с добычей возвращался домой. Но, уже вблизи литовской границы, был настигнут крестоносцами, вторично взят в плен, вторично бежал и опять начал готовиться к походу в Пруссию.

Как два ремесленника делали один нож – первый железную основу, второй деревянную ручку, так и Ольгерд с Кейстутом боролись за интересы одного государства – первый, на востоке, второй, на западе. Хотя нередко Кейстут участвовал в походах на русские княжества, а Ольгерд бился с немцами.

На стороне крестоносцев сражались не только немцы, но и многочисленные рыцари-авантюристы из Англии, Шотландии, Прованса, Бургундии, Фландрии, Чехии. В борьбе с ними Кейстут перенял многие западные обычаи и пытался привить их у себя в Литве. С помощью двух орденских братьев-перебежчиков, которые разочаровались в идеалах Ордена, и главное, в том, как эти идеалы тевтоны воплощали в жизнь, а именно, Иоанна Ланцберга и Фридриха Миссенского, Кейстут устроил в Вильно рыцарский турнир.

Не все получилось так гладко, как хотели устроители турнира: литовские и русские бояре не хотели признавать себя побежденными и, даже сброшенные с лошади, продолжали драться, причем в ход шли камни и палки. По рыцарским обычаям побежденный обязан был отдать победителю коня и все вооружение, на защиту же побежденного литовца вставляли все родственники и друзья. В результате победитель оставался ни с чем.

¹ Жемайтия – западная часть Литвы. С 1260-х гг. вошла в состав Великого княжества Литовского.

² Аукштайтия – центральная и восточная часть Литвы. Название происходит от литовского aukstulinis (верхний), в отличие от названия жемайтов, что живут на нижнем течении Немана.

Несмотря на приверженность ко всему новому, Кейстут сохранил в своем сердце верность традициям и обычаям предков и всю жизнь самозабвенно поклонялся литовским деревянным идолам. Религии, взаимоисключающие друг друга, успешно сосуществовали в Великом княжестве Литовском. То был один из феноменов необычного государства.

Впрочем, огромное государство, созданное мечом литовских князей, было далеко не монолитным объединением. Под верховной властью великого князя – господаря, находилось много мелких княжеств, в которых правили местные феодалы. Первоначально они, признав над собой власть господаря, продолжали оставаться полноправными правителями своего княжества. Однако со временем Гедиминовичи оттеснили на задний план потомков местных династий древнерусских князей. Крупные земельные владения на территории Белой Руси и прочих русских княжеств переходили из под власти удельных князей в управление родственников и приближенных литовского господаря.

Положение в Великом княжестве Литовском было таково, что Ольгерд с Кейстутом вынуждены были править, не вкладывая мечи в ножны. Вся их жизнь прошла в походах и битвах. И невозможно было определить, кто представлял собой большую опасность: правители соседних государств или беспокойные подданные великого князя. По мере сокращения владений русских князей на захваченных литовцами территориях росло их недовольство, обрстая нитями заговоров. Становились опасными и литовцы, получившие за службу крупные земельные владения, когда в их грешные головы ударяла проклятая жажда власти, большей, чем дарованная самим великим князем. И лишь благодаря мудрости Ольгерда вся эта разноликая масса держалась в повиновении.

Ольгерд правил следуя принципу римских императоров: «Разделяй и властвуй». Великокняжеские земли и владения литовских князей на присоединенных территориях, как правило, располагались между землями русских феодалов. Таким образом, местные династии изолировались друг от друга, и в случае возникновения мятежа не составляло труда разбить их поодиночке.

Три десятка лет непрерывной борьбы не прошли бесследно для Ольгерда. Беспокоили раны, полученные в битвах, да и возраст давал о себе знать. И хотя ум его по-прежнему оставался ясным и чистым, все труднее становилось заниматься государственными делами из-за частых болезней. И на тридцать первом году правления великий князь литовский совершает поступок, удививший многих – уходит в им же построенный монастырь.

Возможно, он решился на этот шаг, чтобы скрыть от людей старческую немощность, характерную для людей такого возраста. Хотя трудно разгадать все поступки этого удивительного человека.

В небольшом и не самом богатом монастыре на живописном берегу Вилии Ольгерд стремился обрести покой, отдохнуть от многочисленных забот – неперенных спутниц владыки княжества, которое за время его правления превзошло размерами большинство западных государств.

Иногда Ольгерд в сопровождении монаха покидал обитель и совершал небольшие путешествия по Аукштайтии и Жемайтии. Большая часть его жизни прошла за пределами Литвы, но князь любил свой маленький край лесов и болот, голубых озер и небольших речушек больше огромных и шумных городов Руси, плодородных земель Подолии, Галиции и Волыни, за которые приходилось бороться.

Настоящего покоя не нашел Ольгерд и в монашеской келье. Почти ежедневно к нему приезжали литовские бояре и князья, сыновья, брат Кейстут и жена Ульяна – одни за советом, другие навестить своего отца или родственника, третьи повидать боевого товарища. Таким образом, Ольгерд невольно оставался в курсе всех дел княжества и помимо своей воли продолжал им управлять, давая советы гостям. Да и не смог бы он сам прожить и дня, не думая о

государстве, которое создавал и защищал всю жизнь собственными руками. Видно не суждено Ольгерду обрести покой в этом мире.

3. У княжеского ложа

По-прежнему чутким слухом Ольгерд уловил стук копыт приближающихся лошадей. «Наверное, Ягайло спешит, – подумал старый князь. – Удалось Войдылле расшевелить ленивого отрока». Догадку подтвердил вошедший в келью монах:

– Князь Ягайло только что прошел врата обители.

– Хорошо, брат Арсений, проводи его ко мне немедленно.

Монах вышел и, спустя некоторое время, молодой князь переступил порог кельи.

Ольгерд встретил сына ласковой улыбкой. Тяжелая болезнь не позволила старику в полной мере испытать радость от встречи с родным человеком. Вымученная улыбка придала лицу Ольгерда несколько жалкое выражение. Хотя слово «жалость» явно не подходило для того, кто заставлял дрожать население всех княжеств, граничащих с Литовским государством.

– Здравствуй, сын мой, – медленно произнес старый князь. – Давненько ты не заезжал ко мне. Никому не нужен жалкий, беспомощный старик, одной ногой стоящий в могиле.

– Отец!.. – вырвалось у Ягайлы. Он бросился к ложу Ольгерда, опустился перед ним на колени и припал щекой к отцовской груди.

– Ладно, сынок, не оправдывайся. Приехал сегодня, и хорошо. Мне легче будет умирать, попрощавшись с тобой... Я слышал стук копыт двух лошадей. Кто тебя сопровождал в пути? Слуга?

– Ганко прибыл со мной, — пояснил Ягайло. — Он остался во дворе.

– Брат Арсений, – негромко промолвил Ольгерд, и монах немедленно появился в келье. – Приведи ко мне, брат Арсений, того витязя, что приехал с сыном.

Монах вышел, а Ольгерд дрожащей рукой медленно, с любовью взъерошил волосы Ягайлы и предложил:

– Сядь на скамью, сынок. Ты, верно, устал с дороги.

Спустя немного времени дверь открылась, и в образовавшемся проеме показалось могучее тело Ганко. Голова богатыря осталась вне поля зрения находившихся в келье, так как ее скрывал дверной косяк.

– Входи, входи же, Ганко. Не надо церемоний сегодня, – произнес Ольгерд, видя его нерешительность.

Пригнувшись, Ганко боком протиснулся в келью. Глухой скрежет кольчуги о дерево сопровождал его появление. В левой руке, как игрушку, держал он тяжелый островерхий шлем. Богатырь смущенно поклонился бывшему повелителю и промолвил:

– Приветствую тебя, великий князь.

– Не называй меня, Ганко, великим князем. Пред тобой лежит смиренно ожидающий своей кончины монах – брат Алексей. Как я завидую твоей силе и молодости... – подавив приступ глухого кашля, продолжал Ольгерд. – Все бы отдал: свое имя, литовский трон, принадлежащие мне земли за то, чтобы опять стать молодым, пусть даже простым воином. Как хорошо, Ганко, просто жить! Наверное, все осознают это по-настоящему лишь в свой смертный час.

Молодость, молодость! Она пролетела в походах и боях, как горячий арабский жеребец, не знающий седла. Кажется, еще вчера я и братья сидели за одним столом с отцом Гедимином, а ведь прошло три с половиной десятка лет, как он покинул этот мир. И братьев иных уж нет на этом свете. Как один день пролетела вся моя жизнь, вся осталась позади, а впереди черта, за которой смерть. Я иду к ней и не могу остановиться, впервые я так бессилён. Перед лицом смерти все равны: и великий князь, правящий многими народами; и смерд, всю жизнь ходивший за сохой; и ремесленник, делающий горшки. От нее невозможно откупиться золотом, против нее бессилён острый меч. Жаль, что ухожу из жизни, многое не успев довести до конца.

– Тебе ли жаловаться, князь, что мало успел совершить в этой жизни! – вдохновенно воскликнул Ганко. – Ты раздвинул границы Литвы до необозримых пределов...

В это время опять вошел монах и, бесцеремонно прервав речь богатыря, обратился к Ольгерду:

– Брат Алексей, к тебе гости: жена, брат и сын, а с ними Войдылло.

– Сын!? Который сын?

– Скиргайло.

– Проводи всех ко мне, брат Алексей.

Первой в келью вошла княгиня Ульяна, жена Ольгерда. На вид ей было лет шестьдесят. Глубокие морщины, избороздившие лицо матери Ягайлы, не сумели полностью уничтожить былую красоту.

За княгиней показался Кейстут. Правой рукой он опирался на трость, расписанную золотом, рукоятка которой была из красного сердолика. И хотя ему перевалило за седьмой десяток, трость старый князь носил больше для важности, чем по необходимости.

Вошедшие следом Скиргайло и Войдылло, несмотря на разность их происхождения, были схожи как братья. Их объединял, прежде всего, одинаковый возраст, да и одевался Войдылло по праву княжеского любимца у портного великих князей литовских.

Почтительно поприветствовав своего бывшего господина, все обступили ложе тесным полукругом. Ганко и Войдылло, соответственно своему положению, встали позади сиятельных гостей Ольгерда. В тесной келье, которую никогда прежде не посещало такое количество людей одновременно, воцарилось молчание. Все, пока еще неосознанно, ждали чего-то важного, что должно исходить из уст Ольгерда.

И старый князь не обманул ожиданий.

– Войдылло, – обратился он к слуге. – Где же мой старший сын, где Андрей Полоцкий? Ты нашел его?

– Господин! Он с рассветом отправился на охоту к дальним озерам. В лучшем случае его можно возвратить только к ночи. Если прикажешь, князь, я немедленно приступлю к его поискам.

– Нет, Войдылло. Не надо искать. Боюсь, что ты приведешь Андрея слишком поздно, – в раздумье промолвил Ольгерд, а через мгновение добавил. – Да и ни к чему искать. Может лучше, что Андрея нет среди вас в эту минуту. Да пошлет бог ему счастливой охоты...

Страшный приступ кашля заставил Ольгерда прекратить речь. Легкие его так зашипели и засвистели, что казалось, еще мгновение, и они вырвутся из груди. Гости с ужасом и сочувствием глядели на мучения старика. К тому же они были поражены странными словами князя насчет старшего сына. Откашлявшись и отдохнув немного, Ольгерд продолжил речь.

– Как видите, дорогие родственники, смерть моя не за горами. Сегодня меня не будет среди живых, в этом я уверен. И сейчас я хочу вас попросить исполнить мою последнюю просьбу...

– Повелевай, господин наш, мы исполним твои слова в точности, – нетерпеливо прервал его Кейстут.

– Нет, дорогой мой брат, повелевать я не могу, я всего лишь выражаю последнюю просьбу. Ибо вы слышите речь умирающего монаха, и если бы я являлся главою Литовского государства, все равно мое желание должно утверждаться княжеским советом. От этой просьбы зависит, возможно, будущее нашего государства. Так вот... я прошу утвердить моим преемником и соправителем Кейстута одного из моих сыновей.

– Твое желание законно. Долгие годы мы с тобой делили власть, и могущество Литвы неизмеримо выросло за это время. Пусть сыновья продолжат великое дело. Кто твой избранник, Ольгерд?

– Ягайло...

– Супруг мой! Твоими устами говорит небо! – бросилась на колени перед мужем Ульяна и заплакала от радости. Она приложила немало усилий для того, чтобы Ольгерд принял такое решение. – Я так рада за нашего мальчика. Он будет твоим достойным преемником.

– Об этом говорить рано, Ульяна. Достоинство определяется по делам человека, а мы их еще не видели, – возразил Ольгерд жене. – А что думает Кейстут о моем выборе?

– Клянусь сделать все, чтобы желание твое исполнилось.

– Поддержит ли Скиргайло мою просьбу? – обратился Ольгерд к младшему сыну.

– Я сделаю все, отец, чтобы мой брат был избран на совете великим князем. А впредь обещаю повиноваться ему так же, как повиновался тебе.

– Я ждал от вас этих слов, – удовлетворенно произнес Ольгерд. – А сейчас я прошу покинуть меня наедине с Ягайлом. Брат Арсений позаботится, чтобы для моих самых дорогих гостей накрыли стол.

Оставшись одни, отец с сыном некоторое время без слов смотрели друг на друга. Первым нарушил молчание Ольгерд.

– Ну, вот и все, Ягайло. Всякая жизнь имеет конец – пришел и мой черед навсегда оставить этот мир. Перед смертью я хочу поговорить с тобой в последний раз. Поговорить не как с сыном, а как с великим князем – наследником моей власти.

– Благодарю, отец, за все, что ты сделал для меня. Но зачем ведешь свою речь так, будто знаешь, что сегодня непременно должен умереть. Ты поправишься, отец, и будешь долго жить.

– Не надо меня утешать, Ягайло. Давай поговорим о более важных вещах. Я опасаюсь за твои отношения с князем Андреем Полоцким. Ведь с этого мгновения дружба между вами кончается. Я знаю, что Андрей давно мечтает о троне господаря и, по правде говоря, как старший мой сын, имеет на него больше прав. Возможно, тебе, Ягайло, придется воевать с ним. Он сильный противник, потому что пользуется любовью и поддержкой жителей своего княжества. Грустно мне говорить такие слова, хорошо, что глаза мои не увидят, как брат воюет с братом. Но ты, Ягайло, должен обещать, что сохранишь ему жизнь, если Андрей окажется в твоих руках. Ведь вы оба – мои сыновья, в вас течет одна кровь.

– Клянусь, ни один волос не упадет с головы брата Андрея от моей руки, – промолвил Ягайло, несколько озадаченный предсказаниями отца.

– А может все закончится миром, – без уверенности в голосе произнес Ольгерд и тут же продолжил. – Обучить всем премудростям управления государством я тебя не смогу – этому надо учиться всю жизнь, но несколько советов дам.

Уважай, Ягайло, стоящих ниже тебя, ибо в них твоя опора, щедро награждай их по заслугам. Ибо щедрый князь – отец многим слугам, многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят. Хорошему господину служа, дослужиться свободы, а злему господину служа, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь, как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей, а скупой князь – как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Князь богат не множеством золота, но множеством воинов, ибо воины золото добудут, а золотом преданных воинов не добыть...

Все труднее говорить Ольгерду. Последние силы он тратит на то, чтобы передать сыну свой жизненный опыт, мудрость, накопленную человечеством.

– Не лишай, Ягайло, хлеба нищего мудрого, не возноси до неба глупого богатого. Ибо нищий мудрый – что золото в грязном сосуде, а богатый да глупый – что шелковая подушка, соломой набитая. Я хочу, Ягайло, чтобы первым советником твоим стал Войдылло, с уважением относись к словам дяди твоего – Кейстута. Помни, что не море топит корабли, но ветры, не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами. Так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится.

Окружи себя такими людьми как Ганко – готовыми служить не за деньги, а преданными всей душой и сердцем. Помни, Ягайло, что верный друг – защита надежная и княжество укрепленное, друг верный – сокровище духовное, друг верный – дороже золота и камня драгоценного, друг верный – ограда запертая, источник укрытый, в нужное время можно открыть и напиться, друг верный – прибежище и утешенье. Все новое хорошо, но старое – всего лучше и крепче. Никогда не доверяй новым людям, не проверив их. Помни, что волк волка не губит, змея змею не ест, а человек человека погубит.

В трудное время ты возьмешь в свои руки бразды правления. Князья, получившие земли от меня, а также из рук твоего великого деда – Гедимина, укрепились в своих владениях и не желают больше подчиняться власти великого князя. Чтобы привести их в повиновение используй различные средства – от силы до хитрости и обмана. Особо смотри за своими старшими братьями: Владимиром в Киеве, Дмитрием в Брянске. Если не прямо, то тайно, они поддержат Андрея Полоцкого – ведь их объединяет, кроме стремления к власти, еще и то, что они мои сыновья от первой жены – витебской княжны Марии. Но я прошу, Ягайло, не проливать их крови. Я не хочу, чтобы мои сыновья стали братоубийцами...

Наступила пауза. Долгая речь истощила силы старого князя. Он отвернулся от Ягайлы и, подняв глаза вверх, тяжело дышал.

Молодой князь слушал отца, боясь моргнуть и пропустить хотя бы слово. Находясь подле Ольгерда, он был свидетелем многих важных событий, происходивших в княжестве, но не задумывался над их содержанием. И теперь отец открывал ему новый мир – жестокий и противоречивый, но полный надежд и грез. И в этом мире ему, Ягайле, надлежит играть одну из главных ролей.

– Вот и все, сынок. Хотелось бы многое сказать, но силы мои на исходе. Обними меня и иди в трапезную.

– Что мне для тебя сделать, отец? – спросил Ягайло, прильнув щекой к отцовской груди.

– Разве что, пришли брата Арсения с кувшином холодной родниковой воды.

Ягайло исполнил просьбу отца и прошел в трапезную.

В большой комнате за столом, кроме родственников Ягайлы, Ганко и Войдыллы, на дубовом стуле восседал настоятель монастыря – отец Феодосий. За ним стоял молодой монах, по всей видимости, выполнявший обязанности прислуги. Ягайло молча занял свободное место, все присутствующие также хранили угрюмое молчание, изредка нарушаемое звуками передвижаемых блюд.

Все находившееся на столе было выращено руками монахов на огороде, в саду или на скотном дворе. Исключение составляла лишь большая бутылка вина, извлеченная из монастырских подвалов игуменом Феодосием по случаю знатных гостей. Молодой монах услужливо наполнил вином стоявшую перед Ягайлом чашу, и последний большими глотками осушил ее до дна. Затем он принялся с большим аппетитом уплетать ароматно пахнущего цыпленка. Голод и чаша вина брали свое, ведь у Ягайлы со вчерашнего дня не было во рту и маковой росинки.

Отобедав, участники трапезы вышли во двор. Чтобы как-то развлечь гостей, отец Феодосий предложил им осмотреть монастырское хозяйство. Все вышли за ворота и направились к реке. Там, на разбитом огороде, сторбившиеся монахи пололи грядки с луком, чесноком, репой, морковью. Двое из них ведрами носили воду из реки, чтобы уберечь будущий урожай от палящих лучей небесного светила.

Гости во главе с отцом Феодосием уже приближались к изгороди, как вдруг Войдылло заметил бегущего от монастырских ворот монаха.

– Смотрите, – сказал он, – брат Арсений спешит к нам. Может быть, что-то случилось в монастыре?

Все остановились, а княгиня Ульяна бессознательно сделала несколько шагов навстречу спешившему монаху. Последний, по мере приближения, переходил на шаг и, в конце концов, подошел к ним медленными шагами с низко опущенной головой. Остановившись перед гостями, монах продолжал хранить молчание. Все присутствующие поняли, что вести, принесенные им, были недобрыми.

– Что ты хочешь сообщить нам, брат Арсений? – спросил выведенный из терпения игумен.

– Брат Алексей... скончался..., – тихо выдавил из себя монах.

Слова его как громом поразили всех стоящих, оцепенение и ужас застыли на их лицах. Княгиня Ульяна громко вскрикнула и опрометью бросилась к монастырю. За ней поспешил Кейстут. Он то и дело подносил руку к глазам. За Кейстутом повернули назад все остальные.

4. В последний путь

Понемногу страсти в келье Ольгерда начали утихать. Родственники покойного приходили в себя после известия, принесенного монахом. Благо, люди были мужественные. Только княгиня Ульяна продолжала тихонько всхлипывать, сидя на стуле у изголовья мужа. Первым решился заговорить Кейстут.

– Не плачь, Ульяна, – сказал он, – мы не вернем слезами Ольгерда и себя не утешим. Давайте подумаем о том, как отдать последние почести великому князю. Указывал ли Ольгерд кому-нибудь из присутствующих место своего погребенья?

Вопрос Кейстута остался без ответа. Великий князь позаботился обо всем, кроме клочка земли, на котором ему предстояло остаться навечно. Он не считал эту мелочь важной. Он, но не присутствующие здесь. Первым заговорил отец Феодосий, видимо боясь, что знатные гости решат вопрос о похоронах без его участия.

– С того дня как брат Алексей стал монахом, его тело и душа принадлежат богу. Предать земле брата Алексея следует на монастырском кладбище.

Речь монаха вызвала бурный протест Кейстута.

– Монах, ты хочешь закопать тело моего брата в землю? Ты хочешь, чтобы его там дырявили черви? Не бывать этому! Ольгерд будет погребен как воин, согласно обычаям наших предков.

– Похоронить по вашим обычаям – значит сжечь его тело на костре, – опять вступил в завязавшуюся перебранку отец Феодосий. – Уничтожив тело по вашим языческим обрядам, вы уничтожите и душу брата Алексея. Вы осудите ее на вечные муки в аду. Опомнитесь люди! Пред вами лежит тело христианина. Вы хотите нарушить, в конце концов, волю покойного. Ведь он отдал себя на веки веков богу и принадлежит ему как живой, так и мертвый.

– Ты ошибаешься, монах. Ольгерд всю жизнь принадлежал не твоему богу, а литовскому народу, литовской земле. Даже из этой кельи он продолжал править государством. Ольгерд изменил свое имя, но все остальное: и мысли, и дела, и поступки его – остались прежними. Никто не знает брата Алексея лучше, чем я – его родной брат. И я утверждаю, что у него всегда была душа не монаха, а воина; и летала она не где-то за облаками, а над полями сражений.

Долго продолжался спор между монахом и князем. Христианин и язычник ожесточенно боролись за обладание телом покойного, но ни к какому соглашению так и не пришли. Монах не хотел покориться главе государства, и на то были причины, заставлявшие отца Феодосия подавлять страх перед лицом могучего владыки. Во-первых, он чувствовал свою правоту. А, во-вторых, могила такого знаменитого человека, как Ольгерд, придавала бы вес монастырю, привлекая паломников, шедших поклониться первейшему человеку княжества. А это, в результате, способствовало бы как росту авторитета монастыря, так и росту его доходов.

Спор велся между Кейстутом и отцом Феодосием. Остальные присутствующие оставались в стороне. Они не могли поддержать язычника Кейстута, так как были христианами, но и выступить против него не решались. Ведь Кейстут был главою государства, и свои претензии он предъявлял на основании древних обычаев, сохранившихся в Литве с незапамятных времен. Надо сказать, язычество и христианство мирно сосуществовали в литовском княжестве. Поклонявшиеся Христу и многочисленным богам жили, трудились и отдыхали бок о бок, не испытывая друг к другу ни злобы ни ненависти. И лучший тому пример – Ольгерд с Кейстутом. Нынешнее столкновение представителей двух религий поставило в недоумение всех присутствующих. Монах твердо стоял на своем. Кейстут, не знавший обычаев христианства, которое принял его покойный брат, хотя и начал сомневаться в своей правоте, но отступать не привык.

– Позволь, князь, высказать мысль насчет погребенья моего господина, – раздался голос Войдыллы, едва поутихла перебранка между Кейстутом и Феодосием.

– Слуга не может решать, где хоронить господина, – оборвал его Кейстут.

– Напрасно ты так говоришь, дядя. Мой отец прислушивался к мнению этого слуги. К тому же вы со святым отцом битый час толкуете, а проку от этого никакого, – вступил на защиту Войдылло потерявший терпение Ягайло.

– Хорошо, пусть говорит слуга, если ты считаешь, что у нас не хватит ума решить это дело. Говори, Войдылло, – сдался, наконец, Кейстут.

– Слушая речи святого отца и великого князя, я пришел к выводу, что дело уладится, если вместо одного Ольгерда будет два. Тогда одного мы похороним как монаха, а второго как воина.

Все присутствующие в недоумении уставились на Войдылло. Решительно никто не понял, к чему клонит слуга.

– Что ты мелешь, Войдылло? – презрительно проворчал Кейстут, всегда недолюбливавший слугу. – Может быть, у тебя двойится от выпитого монастырского вина? Или ты хочешь разделить тело моего брата на две части?

– Поясни свою странную речь, Войдылло, – не выдержал и Ягайло.

– Нет, делить на части тело моего господина я не собираюсь, – продолжал Войдылло, собравшись с мыслями. – Я предлагаю вылепить из воска второе тело по подобию первого. На виленском торге я знаю ремесленника, делающего из воска фигурки людей, которые во всех чертах схожи с настоящими. Среди его изделий я видел и фигурку моего господина. Если вы согласны с моим предложением, то я берусь к заходу солнца доставить сюда мастера со всем инструментом и материалами, необходимыми для работы.

В келье воцарилось глубокое молчание. Членам великокняжеской семьи понадобилось некоторое количество времени, чтобы осмыслить сказанные слугою слова. Первым нарушил тишину Кейстут.

– Придумал ты хорошо, но не решил вопрос, а заменил его другим. Где будем хоронить настоящее тело Ольгерда?

– Похороним его в монастыре, Кейстут. Негоже тело православного христианина, к тому же еще, монаха, жечь на костре, – проговорила до сих пор молча плакавшая Ульяна.

Слова княгини заставили Кейстута отказаться от намерений продолжать спор, он еще раз усомнился в своей правоте.

– Ладно, – произнес старый князь, – будет так, как решат сыновья Ольгерда.

– Пусть будет так, как хочет мать, – твердо сказал Ягайло, – оставим тело отца в монастыре.

– Пусть будет так, как хочет мать, – повторил слова брата Скиргайло.

– Вот и решили. Монахи будут хоронить тело князя, а литовский народ – его чучело из воска, – сокрушенно промолвил Кейстут и удалился из кельи.

– Разреши ехать за мастером, князь, – обратился Войдылло к Ягайле.

– Да, скачи Войдылло, не теряй времени.

День, столь бурно прошедший для членов великокняжеской семьи, клонился к закату. В воздухе стало свежее, прохладнее, откуда-то начали появляться комары. Войдылло сдержал свое слово. К монастырю приближался ремесленник в сопровождении двух молодых людей, которые оказались подмастерьями. Один из них управлял телегой, нагруженной доверху инструментом, необходимым для работы. За телегой верхом ехал Войдылло, а рядом с ним еще какой-то человек. В последнем Ягайло признал портного великокняжеского двора и мысленно похвалил Войдылло за предусмотрительность.

Мастеровых тотчас же проводили в келью и те, не мешкая, приступили к работе. Отец Феодосий выделил им в помощь троих расторопных монахов, но это было излишним. Монахи

всю ночь только и делали, что меняли свечи в келье, превращенной в мастерскую, да изредка приносили ремесленникам кое-что из еды.

Когда утром родственники покойного вошли в келью, то были поражены увиденным: в двух одинаковых гробах лежали два совершенно одинаковых покойника.

– Какой же из них настоящий?! – воскликнул изумленный Ягайло.

– Тот, что лежит подальше, у окна, – ровным голосом ответил мастер, видимо, привыкший к удивлению, которое вызывало его мастерство.

– Возьми это от меня, – Ягайло снял с пальца массивный золотой перстень и протянул его ремесленнику.

– Благодарю, князь, за щедрость и за высокую оценку моего труда, – сказал ремесленник, принимая подарок, ибо плату серебром он получил сполна от Войдыллы.

С мастеровых взяли слово хранить молчание о ночном заказе и отпустили на все четыре стороны.

Хоронили Ольгерда в полдень. Четверо монахов бережно вынесли из кельи гроб с телом покойного и опустили на землю под большим ветвистым дубом. Здесь же, под дубом молодые послушники накануне выкопали могилу. Черная, холодная пасть ее готовилась принять на вечный покой тело знатного монаха.

Провожали в последний путь Ольгерда все те же ближайшие родственники, да десятка три монахов. Когда закончилась процедура прощания с покойным, монахи накрыли гроб крышкой и, под пение псалмов, опустили на дно могилы. Кейстут с Ягайлом взяли под руки бесчувственную Ульяну и увели с места погребенья, предоставив монахам возможность завершить печальное дело.

Иных похорон удостоился двойник Ольгерда.

Хотя погребенье было назначено на вечер, уже после полудня к воротам монастыря начал стекаться народ. Весть о кончине великого князя быстро распространилась по всему литовскому государству. Но Кейстут не торопился выставлять «тело» покойного на всеобщее обозрение. Он боялся, что жаркие солнечные лучи могут повредить лицо талантливой копии. Лишь к вечеру из распахнувшихся ворот монастыря медленно выкатилась телега, запряженная тройкой вороных лошадей. На ней стоял такой же гроб, как и преданный земле накануне, только более богато украшенный серебром и золотом. Телегу с гробом обступили родственники покойного и слуги, зорко следившие за тем, чтобы никто не подходил к ней ближе дозволенного расстояния. Затем из ворот выехал возок, в котором восседал Кейстут с княгиней Ульяной. Вся кавалькада двинулась по направлению к литовской столице. По дороге она обростала людьми и становилась все многочисленнее и пестрее.

Когда на небе появились первые звезды, траурная процессия приблизилась к одному из холмов, возведенных природой вблизи Вильна. Именно его выбрал Кейстут для прощания жителей княжества со своим повелителем. К моменту подхода процессии с телом усопшего князя здесь было все готово для совершения обряда. На вершине холма из бревен соорудили огромную башню, которая заканчивалась открытой площадкой. Площадка была сплошь утыкана столбами, на которых висели вещи, принесенные в жертву богам в честь умершего. Это, прежде всего оружие: мечи литовской работы и привезенные из далеких стран, щиты, сулицы³, шлемы, кольчуги, латы; здесь же были дорогие одежды из золотой парчи, пестрого дамаста, атласа, тонкого сукна.

³ Сулица – короткое метательное копьё. В войске Великого княжества Литовского было на вооружении и конницы и пехоты. Употреблялось в 12–14 вв.

Сооружение венчали два стяга, прикрепленные крест-накрест. Первый был черного цвета, как и сама смерть. На втором была изображена литовская «Погоня»: на красном полотнище выделялась фигура всадника в панцире, который сидел на сером скачущем коне. Правой рукой всадник высоко над головой занес меч, готовый сразить врага; с левой стороны он прикрывался щитом. Фигура всадника означала воина, готового оборонять свою родину от врага.

К столбу с прикрепленными стягами был привязан боевой конь Ольгерда, покрытый красивой попоной. Великолепная сбруя коня выработана из серебра и осыпана бирюзою, рубинами и другими драгоценными камнями. Ненамного суждено коню пережить своего господина, которому он много лет служил верой и правдой. Вокруг башни в ожидании такой же печальной участи стояло еще семнадцать боевых коней.

Тем временем гроб сняли с повозки и поставили себе на плечи шестеро юношей знатнейших литовских родов. Медленно понесли они свою ношу вокруг холма. За ними начала выстраиваться живая людская цепь сообразно положению, занимаемому в княжестве. Траурное шествие возглавляли ближайшие родственники покойного: Ульяна с Ягайлом, Скиргайло, Кейстут со своими сыновьями Витовтом и Жигимонтом. Шел вместе с ними и возвратившийся с охоты Андрей Полоцкий.

В угрюмом молчании следуют знатнейшие мужи Литовского государства за бездыханным телом своего господина. А он лежит, исхудавший за время болезни старик, с морщинистым лицом, в обрамлении прядей редких седых волос. Обычная смерть в его возрасте, судьбой и так немало отпущено ему лет. Однако эта обычная смерть потрясла всех именитых князей Великого княжества Литовского. Идя за телом Ольгерда, каждый из них думал над своим будущим. Одни злорадствовали, радуясь, что смерть наконец-то прибрала извечного врага. Другие искренне скорбели о своем боевом великом товарище и друге. Третьи пытались предугадать свою дальнейшую судьбу и мысленно определяли нового господина. А некоторые и сами с недвусмысленными намерениями поглядывали на опустевшую половину трона Литвы. (Вторую половину его занимал Кейстут.) Но никого, решительно никого, не оставила смерть великого князя равнодушным.

Гроб с телом покойного во главе траурного шествия описал несколько кругов вокруг холма и приблизился к бревенчатой башне. По широким ступеням печальную ношу подняли на вершину башни и опустили вовнутрь ее через окно, специально для этой цели проделанное. Окно закрыли дощатым настилом. Некоторое время подождав, пока люди, сделавшие это, покинут башню, Кейстут махнул тростью и десятки горящих факелов полетели в сторону бревенчатого строения.

Произошло невероятное. Огонь вспыхнул с невиданной ранее силой. В мгновение ока вся башня была объята гигантским пламенем. Раздавшееся дикое ржание коня великого князя тут же затихло навеки. Неведомая сила выхватила из пламени несколько бревен и разбросала их в разные стороны. Одно из них, обуглившееся, но еще не успевшее загореться, подкатилось к ногам князя Андрея Ольгердовича. В воздухе распространился едкий, удушающий запах. Страх, доходящий до ужаса, поразил толпы собравшегося народа. Кто умел, тот начал крепиться, кто не умел – падал ничком наземь, некоторые бросились прочь от страшного пламени.

Тайна невиданной силы огня была довольно проста. Вездесущий Войдылло раздобыл у немецких купцов пороха (вещи малознакомой в то время для Литвы) и поместил его в башню. Страшный огонь пропал почти так же быстро, как и появился, и вскоре горящая башня стала напоминать обычный пожар, столь часто случавшийся в Вильно. Выброшенные бревна мужчины затащили крючьями обратно в огонь, а суеверные литвины понемногу оправлялись от пережитого страха.

Приближалась та часть погребенья, ради которой и пришло большинство полуголодных крестьян и городской бедноты – тризна во славу покойного. И она обещала быть обильной:

огромные стада княжеских овец, баранов терпеливо ждали своего смертного часа. Вокруг холма стояли десятки бочек с вином и медами, но никто не смел к ним прикоснуться раньше установленного часа. Но вот Кейстут опять взмахнул тростью, и виночерпии начали наполнять хмельными напитками чаши, миски, кувшины, шапки всех желающих. Пастухи прямо в толпы народа гнали бедных животных, предназначенных в жертву. Люди тут же принялись рубить им головы и потрошить. То тут, то там начали загораться костры. Вскоре все огромное поле вокруг холма было усеяно огнями, и стало светло как днем. На добрый десяток верст в воздухе висел запах дыма и жареного мяса. Обглоданные кости по традиции бросались на главный костер.

Был конец мая. Урожай прошлого года бедняки давно роздали за долги, отдали в счет уплаты налогов или просто съели, новый же урожай еще не созрел. Для многих траурное пиршество было единственной возможностью наесться досыта, и они ели и пили до изнеможения. Лишь после восхода солнца, когда все было выпито и съедено, люди начали покидать место погребения.

К полудню опустевший холм и окрестности напоминали покинутое поле сражения. Земля была обильно полита кровью жертвенных животных, повсеместно валялись различные вещи из обихода литвинов: сломанные ножи, растоптанные шапки, кружки, разбитые бочки из-под хмельных напитков. Сходство с полем боя дополняли десятка два лежащих на земле литовцев. Большинство свалила с ног хмельная сила, но были и такие, которым уже не суждено встать. Одного человека убила раненая лошадь, еще несколько крестьян умерло от обилия поглощенной пищи и выпитого вина. Жены и родственники покойных, не дождавшиеся их возвращения, придут и похоронят своих кормильцев, но далеко не так пышно, как хоронили великого князя.

Догорающий погребальный костер охранял отряд вооруженных литовцев, дабы никто не посмел его осквернить. Когда потухнет последний уголь, придут те же крестьяне, чтобы насыпать огромный курган из земли над прахом господаря.

По всей Литве разлетелись вести о великом погребении владыки княжества. Истинное место захоронения Ольгерда было вскоре забыто. Монахи упорно доказывали одиноким странникам, что прах Ольгерда покоится именно у них в монастыре, а не сожжен на холме близ Вильна. Но им отказывались верить.

5. Княжеский совет

Через два дня после похорон Ольгерда Кейстут созвал совет. Он не любил откладывать решение важных дел на долгое время. Тем более что предстоящий совет должен рассмотреть завешание Ольгерда, а воля покойного брата для Кейстута была больше чем закон.

Обычно совет состоял из потомков Гедимины – основателя правящей династии. Иногда приглашались крупные магнаты из наиболее приближенных к великим князьям. Их присутствие требовалось для решения тех или иных вопросов, связанных с деятельностью приглашенных.

Сегодня совет состоял только из представителей великокняжеской семьи.

На сверкающем золотом широком и массивном троне восседал Кейстут. По всему видно, что трон предназначался для двоих человек, ибо Кейстут не занимал и половины его.

Женщины на совете не имели слова, однако, княгиня Ульяна с незапамятных времен являлась частой гостьей на подобных заседаниях. Возражать против таких визитов жене великого князя никто, конечно, не решался. Пришла княгиня и на этот раз.

Из двенадцати сыновей Ольгерда на совете присутствовало только четыре: Андрей Полоцкий, Дмитрий, Ягайло и Скиргайло. Первые два – старшие – были сыновьями Ольгерда от брака с витебской княжной Марией. Андрею в ту пору было пятьдесят два года, однако, выглядел он моложе прожитых лет. По-прежнему любимым увлечением этого человека была охота, сопровождаемая бешеной скачкой на лошади.

Неизвестно как попавший в Вильно, брянский князь Дмитрий был ненамного моложе Андрея. Держались старшие братья на совете вместе, и в то же время как бы отделившись от остальных родственников. Их опасное соседство таило в себе угрозу для Ягайлы. Это чувствовали все: и Кейстут, и Ульяна, и главный виновник нынешнего заседания.

Ягайло, в свою очередь, сидел рядом со своим младшим братом – двадцатитрехлетним Скиргайлом.

Присутствовали на совете и два сына Кейстута. Старший – Витовт – широкоплечий, невысокого роста, с суровым лицом, но не лишенным благородства сердцем, был во многом похож на отца. Недаром Кейстут любил говорить, что, глядя на Витовта, он видит себя в молодости.

Второй сын Кейстута – совсем еще юный Жигимонт – впервые был на великокняжеском совете. Это не мешало ему держаться с достоинством, соответствовавшим положению сына главы государства. Хладнокровно и бесстрашно скользил его взор по лицам Андрея и Дмитрия.

На совете имели право присутствовать и потомки других сыновей Гедимины – не только Ольгерда и Кейстута, но они, как правило, сидели в отцовских уделах, полученных от самого Гедимины, и не вмешивались в дела виленского двора.

Совет открыл Кейстут. Предварительно он встал, неторопливо бесцельно прошелся по залу и возвратился на место. Так делал Кейстут, когда напряженно думал, в движении у него рождались все великие мысли. Движения были медлительны или, лучше сказать, медлительно властны. Так мог держаться только тот, кто знал, что никто его не поторопит, не перебьет его молчания. И вот, наконец, Кейстут заговорил.

– Князья, сегодня мы собрались, чтобы утвердить последнюю волю Ольгерда. Перед своей кончиной он изъявил желание, чтобы Ягайло стал его наследником и принял половину Литовского княжества.

– Почему же Ягайло, а не старший сын его – Андрей? – спросил Дмитрий.

– Такова воля Ольгерда.

– Я не слышал изъясления подобной воли из уст отца. Или у вас есть письменное завешание? – язвительно спросил Андрей Полоцкий.

– Желание Ольгерда выражено им не далее как три дня назад. Это последние слова, которые я слышал от брата, перед тем как он покинул нас навсегда. Кроме меня, волю покойного слышали: княгиня Ульяна, Ягайло, Скиргайло, Войдылло и Ганко, бывшие у ложа Ольгерда в тот печальный день.

– Но этих слов отца не слышал я. Их не слышал Дмитрий. Почему мы должны верить какому-то Ганко? – не сдавался Андрей.

– Но мне ты веришь? Или у тебя есть повод сомневаться в моей честности? – спросил Кейстут.

Повода сомневаться в честности дяди у Андрея не было. Благородство и порядочность Кейстута ставились в пример даже за пределами княжества. Властителю Полоцка пришлось изменить тактику.

– Отец не имел права назначать наследника. Он отказался от власти. Монах не может вершить судьбу государства, – привел следующий довод Андрей, не ведая того, что повторяет предсмертные слова отца.

– Что ж, ты прав, Андрей. Ольгерд не имел права никого ни назначать, ни утверждать на трон Великого княжества Литовского. Он этого и не делал. Это сделаем мы, собравшиеся на княжеский совет. Твой отец только выразил желание, чтобы Ягайло стал наравне со мной главой государства. И я клянусь сделать все для того, чтобы желание покойного брата исполнилось. Ты говоришь, Андрей, что монах не может назначать правителя государства... Но ведь это, прежде всего, твой отец, и ты, как добрый сын, обязан уважать его просьбу. Тем более, она последняя.

– Решения отца всегда были для меня законом, их я принимал как должное. Но дело касается интересов всего государства, и родственные чувства придется оставить до лучших времен. Ягайло не создан управлять Великим княжеством Литовским. У него на уме только пиры, охота, игры да смазливые девки.

Последние слова Андрея вывели из себя Ягайлу, до сих пор молча слушавшего спор между Кейстутом и своим старшим братом. Казалось, он готов сорваться с места и вцепиться в глотку Андрею. Этого не произошло, Ягайло ограничился лишь ответным словесным оскорблением.

– А кому править литовским государством? Уж не тебе ли, Андрей Полоцкий? Ты забыл, что отец дал тебе имя Вингольт. Ты изменил не только имя, став христианином. Ты стал полочанином до мозга костей, забыл язык, на котором тебя учили говорить. И не тебе править нами, литовцами. Или ты хочешь и нас сделать русскими?

– Ты получил от отца самое богатое княжество, – поддержал брата Скиргайло. – Но тебе все мало. Теперь ты раскрыл рот на великокняжеский трон.

– Зачем ссориться, братья? – попытался унять племянников Кейстут. – Вы все – внуки великого Гедимина. Зачем же драться между собой, когда так много врагов? Не проходит и года, чтобы закованные в железо кони крестоносцев не топтали наши нивы. На востоке, Москва жаждет увеличить размеры своего княжества за счет наших земель; на западе, венгерские и польские магнаты считают своей вотчиной Волынскую землю, Подляшье и Галицкую землю. И в это трудное время вы, родные братья, деретесь между собой хуже поганых татар.

– Конечно, дядя, ты хочешь отдать Ягайлу верховную власть, минуя меня, старшего сына Ольгерда. И после этого требуешь, чтобы я был спокоен, чтобы я с ласковой улыбкой признал за братцем литовский трон, который по праву должен принадлежать мне. Ты хочешь угодить всем, но так не бывает, чтобы и волки были сыты и овцы целы.

– Я вижу, по доброму согласию мы ничего не решим до ночи. А в большом зале ждут лучшие мужи, дабы поклониться новому господину, – подвел итог Кейстут бурной перебранке. – Теперь каждый в отдельности скажет: кого он желает видеть на литовском троне. Говори, Витовт, первым, – обратился Кейстут к сыну.

– Почему твой сын должен делить наследство нашего отца? – спросил Андрей, чувствуя приближение конца своих честолюбивых планов.

– Он такой же, как и ты, потомок Гедимины. И имеет полное право участвовать в выборе главы государства. Говори, Витовт.

– Наш долг исполнить волю покойного Ольгерда. Это ему мы обязаны могуществом нашего княжества. Ягайло – глава государства.

По иному Витовт сказать и не мог. С детства он проводил с Ягайлом больше времени, чем со своими родными братьями. Вместе они купались в Вилии, жадно слушали рассказы княгини Ульяны о великом греческом воителе Александре Македонском, а потом оба в тайне мечтали завоевать весь мир, когда вырастут.

По лицу Кейстута было видно, что он с одобрением принял слова сына, хотя и заранее знал, что тот скажет.

– Теперь твое слово, Жигимонт, – обратился Кейстут к младшему сыну.

Юный Жигимонт, которому было решительно безразлично то, что происходило на совете, по примеру старшего брата изрек:

– Пусть будет Ягайло.

– Говори, Скиргайло.

– Я не скажу ничего нового. Великокняжеский венец Ягайле! – твердо произнес Скиргайло.

– Тебе слово, Дмитрий, – продолжал Кейстут ставший уже не нужным опрос.

Это понял и брянский князь. Поддерживать Андрея было теперь бесполезно, поддержать же Ягайлу, то есть признать себя вассалом младшего брата, он тоже не мог. Не позволяла гордость.

– Здесь и так все ясно, – уклончиво ответил Дмитрий. – Мое слово ничего не изменит.

После слов брянского князя Андрей поднялся и быстрыми шагами покинул тронный зал. Видеть торжество родного брата, ставшего теперь заклятым врагом, было выше его сил.

Совет тем временем продолжался.

– Сядь подле меня, Ягайло. Отныне вторая половина трона принадлежит тебе – так решил совет, – обратился Кейстут к племяннику. Он подождал, пока последний займет место на троне, и вновь заговорил. – Чтобы избежать в дальнейшем недоразумений и ссор, подобных сегодняшним, я желаю сейчас объявить имя своего наследника. Мой сын Витовт займет место на троне рядом с Ягайлом после моей смерти.

Кандидатуру Витовта собственно некому было оспаривать. Из сыновей Кейстута, кроме объявленного наследника, на совете присутствовал лишь юный Жигимонт, который пока еще испытывал безразличие к вопросам власти. Остальные Гедиминовичи благосклонно приняли решение Кейстута, так как не могли ему наследовать.

Итак, двоюродные братья – Ягайло и Витовт – будут править Великим княжеством Литовским. Тот, кто видел этих неразлучных друзей в детстве, скажет: «Не пожелаешь более счастливого правления. Вот, те немногие из государей, среди которых будет царить единодушие и никогда не промелькнет ненависть меж ними.»

Но не следует торопиться предсказывать будущее, особенно в случае, когда речь идет не о простых смертных, а о великих князьях. Власть меняет людей, и чем больше власть, тем меньше в человеке остается человеческих чувств. Жестокий и беспощадный век не терпел на тронах правителей мягких и слабых. Если на головах таких иногда держались короны, то лишь потому, что эти государи являлись игрушкой в чьих-то сильных руках и реальной власти не имели. Власть заставляет забывать и о данных обещаниях, и о чести, и о долге, иногда она становится сильнее родственных чувств. О том, каким будет дальнейшее совместное правление наших друзей, мы узнаем позже.

Пока великокняжеский венец достался лишь Ягайле. Всякая жизнь имеет земной конец, но конец одной жизни иногда одновременно является началом другой. Смерть Ольгерда стала началом нового великого князя – Ягайлы. Он вышел из тронного зала гордый своей победой. Великокняжеский венец, доставшийся ему, позволил по-новому взглянуть на людей, собравшихся в большом зале. Теперь это были его подданные.

Выразить почтение новому великому князю пришли самые именитые мужи государства. В приветливой улыбке застыло лицо умного и хитрого Войцеха Монивида.

Угрюмым молчанием встречает Ягайлу бородатый, плечистый, богатырского роста князь Остей. Вероятно, никто не сможет утверждать, что видел улыбку на лице этого сурового воина. Много-много лет назад один из жителей Скандинавии, бродивших по всему миру в поисках счастья, каким-то образом попал на службу к одному из литовских князей. Он осел здесь, обзавелся голубоглазой женой-литовкой, которая подарила ему многочисленное потомство, продолжавшее служить великим князьям литовским. Одним из потомков того викинга и был князь Остей. Много лет он верой и правдой служил Ольгерду, пользуясь при этом заслуженным почетом и уважением. Великий князь литовский относился к Остею не как к слуге, а как к старому боевому товарищу, делившему с господарем все тяготы и невзгоды походной жизни.

Гордо подняв голову, встречает Ягайлу князь Альгимунт Гольшанский. Рядом с ним сын Иван с нескрываемым любопытством смотрит на нового повелителя. В последнее время земельные владения Гольшанских значительно выросли, а вместе с ними вырос и их авторитет. Князь Альгимунт неоднократно приглашался на совет бояр при великом князе.

Рядом с Гольшанскими стоит слуцкий князь Юрий – один из представителей династии Рюриковичей, правившей Слуцком около двухсот лет. Юрий является прямым потомком туровского князя Юрия Ярославича. Несмотря на столь знатное происхождение, держится Юрий далеко не так уверенно, как Альгимунт Гольшанский. Владения слуцких князей значительно сократились с тех пор, как они признали своим господином Гедимина. И теперь новый господарь, скорее всего, вселяет в душу Юрия новую тревогу. Не жалуют литовские князья Рюриковичей.

Судьба свела вместе людей столь различных и по национальности, и по возрасту, и по положению, занимаемому в огромном княжестве. Перечисленные выше бояре составляли лишь ничтожную часть людей, пришедших приветствовать нового великого князя. Большой зал пестрел различными нарядами. Суконные плащи и мантии перемешались с разнообразной окраски и покроя кафтанами. Некоторые из них, несмотря на жару, оторочены для важности дорогими мехами. Ладно сидят на плечах жмудских бояр кожаные куртки (предмет особой гордости их хозяев, так как сшиты они из шкур зверей, собственной рукой убитых на охоте. Каждый по-своему пытался показать через наряд свое богатство, знатность и силу.

Первый прием молодого князя окончился в трапезной за дубовыми столами, ломившимися от всевозможных яств.

А в это время глашатаи спешили во все концы Великого княжества Литовского, дабы сообщить народу имя нового господаря. В православных церквях служили молебны во здравие Ягайлы. Главный жрец святилища Перкунаса⁴ провозглашал толпам народа волю богов, они, как оказалось, предвещали Ягайлу долгое и счастливое правление. Подобное происходило во всех языческих святилищах Аукштайтии и Жемайтии. Казалось, вся Литва только и ждала избрания великим князем литовским Ягайлу.

Однако не все было радужно и безоблачно, как могло казаться новоиспеченному великому князю, пребывавшему первые дни в состоянии эйфории.

⁴ Перкунас – у литовцев верховное языческое божество, бог грома и молнии.

6. Послы Ордена

В середине месяца березы (июнь) по литовскому календарю к воротам Верхнего замка подъехали два купца. Их сопровождало несколько слуг. Литовские стражники не проявили особой вежливости гостям, потревожившим их покой. Ближайший воин, сжимая правой рукой сулицу, лениво спросил:

– Что вам надобно?

Один из купцов – мужчина с седеющей, но густой бородой, слез с лошади и приблизился к стражникам. По всей видимости, он возглавлял эту кавалькаду. Слегка коверкая литовские слова, купец ответил стражнику:

– Мы послы Тевтонского ордена. Желаем встретиться с великим литовским князем Ягайлом.

Стражник бросил «купцам» «ждите» и исчез за воротами замка. Ждать пришлось довольно долго. Наконец ворота опять распахнулись, и во двор вышел Войдылло в сопровождении того же стражника.

– Князь Ягайло готов вас принять, – обрадовал купцов Войдылло. – Вам надлежит сдать все оружие, прежде чем войдете в покои великого князя. Воины проверят вашу честность.

Старший «купец» обратился на каком-то непонятном языке к своему спутнику, и тот отстегнул кинжал, передав его Войдылле. Любимец князя сделал знак рукой воинам, и они бросились щупать тела пришельцев. Старший «купец» хладнокровно воспринял процедуру обыска, его же спутник пытался, было, возмущаться. Однако несколько слов старшего товарища возымели свое действие. Иноземец покорился судьбе и дал воинам ощупать себя с ног до головы.

После унижительной процедуры Войдылло пригласил гостей в замок.

Седобородый привычным шагом следовал за провожатым; спутник же его то и дело с интересом озирался по сторонам, из-за своей любознательности гость неуклюже споткнулся на ступенях и едва не упал. Таким образом они добрались до комнаты, выбранной Ягайлом для приема гостей.

Великий князь уже поджидал послов. Когда они вошли, Ягайло сидел, удобно развалившись, в широком кресле. Так сидя, он и приветствовал послов могущественного соседнего государства, после чего и им были предложены кресла, более скромные, чем княжеское.

– Давайте знакомиться, купцы? – обратился Ягайло к гостям. – С чем ко мне прибыли?

– Мы не купцы, князь. Меня зовут Конрад фон Кросберг – посол Тевтонского ордена, – представился немец, не надеясь, что это сделали за него бестолковые литовские стражники. – До сих пор я находился при дворах польских князей, где выполнял поручения Ордена, заботящегося о мире между соседями. А вот в твоём краю я впервые, но надеюсь, наша встреча не будет последней. Представлю, великий князь, и моего спутника, так как его язык будет непонятен тебе. Зовут моего товарища Гюи де Виллардуэн, – услышав собственное имя, второй посол слегка склонил голову, а Кросберг тем временем продолжал. – Благородные предки Гюи, служа богу и кресту, покрыли себя вечной славой и доблестью. Один из них – Жоффруа де Виллардуэн, будучи маршалом Шампани, участвовал в Третьем крестовом походе. Он же был одним из предводителей крестоносцев во время Четвертого крестового похода.

– Не тот ли поход, который закончился разгромом Константинополя? – заметил Ягайло.

– Справедливая кара господня постигла град Константина, ибо церкви его отказались подчиниться римскому папе, – ответил Конрад фон Кросберг литовскому князю. На лице немца было написано удивление, вызванное осведомленностью Ягайлы.

– Ладно, дорогой посол, оставим в покое дела прошлые и займемся настоящими, – смирился Ягайло с разгромом далекого Константинополя. – Что привело столь знатных особ в наши края?

– Вести об избрании тебя великим князем литовским достигли Мальборка. Наш магистр, дабы приветствовать на литовском троне нового повелителя и пожелать ему долгих лет счастливого владычества, отправил нас в путь.

– Быстро же вы узнали о решении совета. Можно подумать, что вы отправились в тот день, когда я стал великим князем, – не скрыл своего удивления Ягайло.

– Бог видит все. А мы слуги бога, – уклончиво ответил немец.

– Почему же знаменитые мужи, родословной которых мог бы позавидовать и князь, были в купеческом обличье? – обратился с язвительной улыбкой Ягайло к послам.

– Прости наш наряд, великий князь. Ненависть жителей твоего княжества к смиренным служителям бога так велика, что мы не можем прибыть к твоему двору в подобающем одеянии.

– Что ж, вы заслужили эту ненависть грабежами и разбоем, – заметил Ягайло.

– Благо, еще твои дед и отец покровительствовали купцам, не различая, к какому народу они принадлежат, – продолжал фон Кросберг, пропуская мимо ушей замечание Ягайлы. – Позволь князь внести дары, посланные великим магистром.

Гюи де Виллардуэн отправился за дарами, а Ягайло принялся изучать внешность Конрада фон Кросберга, обмениваясь при этом ничего не значащими фразами. Маленькие, колючие глазки немецкого посла постоянно находились в движении. Судя по их хитрому блеску, наряд купца Кросбергу более шел к лицу, чем доспехи воина. «Такой бы не проторговался», – подумал Ягайло.

Тем временем, слуги послов в сопровождении литовских воинов внесли дары великого магистра. Это было оружие работы лучших мастеров того времени: арбалет с тяжелыми стрелами, миланские доспехи, немецкий меч и арабская сабля. Все оружие, богато инкрустированное драгоценными металлами, поражало своим изяществом и великолепием.

Глаза Ягайлы при виде щедрого дара заблестели в восторге, как у ребенка, долго мечтавшего об игрушке и, наконец, ее получившего. Вероятно, собирая дары, крестоносцы знали о любви молодого князя к оружию. И они не ошиблись в расчетах. Вид подарков смягчил сердце Ягайлы и даже изменил его голос.

– Неплохие вещи. Передайте великому магистру, что мне понравились его дары, – сдержанно поблагодарил Ягайло, соблюдая достоинство главы княжества. – Все ли благополучно в вашем государстве? Здоров ли великий магистр?

– Господь бог отвращает от нашего государства все беды, посылая их на грешные головы врагов Ордена. Великий магистр здоров и не далее как десять дней назад участвовал в рыцарском турнире. Глава Ордена приветствует тебя на троне, и велел передать, что, в случае необходимости, ты можешь обратиться к нему за помощью, как к своему брату.

– Какую необходимость он имел в виду?

– Дорогой князь, главе государства, которого пока еще не признали родные братья, всегда может понадобиться помощь.

– Ваша осведомленность вызывает удивление, – озабоченно промолвил Ягайло. – О моих братьях вам тоже бог рассказал?

– Пути господни неисповедимы. Но можешь быть спокоен, князь, наша осведомленность не пойдет тебе во вред, – попытался унять тревогу Ягайлу Конрад фон Кросберг. – Если тебе понадобится помощь, можешь послать Войдыллу к Ганулу – он в Вильно старшина немецких купцов. В ответ, мы надеемся что, ты не откажешь нам в некоторых услугах.

– О какого рода услугах идет речь? – насторожился Ягайло.

– О, это дело будущего! – воскликнул немец. – Могу лишь сказать, что они тебе не будут стоить и медной гривны.

– Почему именно Войдыллу я должен послать?

– Во-первых, Войдылло предан тебе, как никто другой. Во-вторых, он умен и умеет держать язык за зубами. В твоей земле еще, к сожалению, ненавидят немцев. И наша дружба может повредить тебе, кроме того, пострадают ни в чем неповинные немецкие купцы.

Посвященность немецких послов в дела Великого княжества Литовского не на шутку пугала молодого господаря. Ведь, если немецкому послу известно, что он приблизил Войдылло к себе, значит, у немцев есть свои глаза и уши и в литовском государстве, и в Вильно, и в самом замке. Значит и то, что при желании крестоносцам ничего не стоит отравить его, Ягайлу. Или же избавиться иным способом...

– Наш Орден богат и могущественен. Тебе, князь, выгоднее иметь его своим другом, чем врагом, – продолжал посол, как бы уловив ход мысли Ягайло. – Мы будем благодарны, если сохранишь наш разговор в тайне от князя Кейстута. Всем известна его непонятная ненависть к скромным служителям Бога.

На этом, в общем-то, была закончена та часть беседы Ягайлы с послами, ради которой они прибыли. В дальнейшем разговоре они почти не касались отношений между своими державами. Причем, Ягайло по-прежнему задавал вопросы, а послы отвечали.

В разговоре принял участие и Гюи де Виллардуэн, фон Кросберг взялся выполнять обязанности переводчика при нем. Француз был страстным путешественником, и в Литву прибыл лишь для того, чтобы посмотреть невиданный, дикий, языческий край. Таким представляли Великое княжество Литовское у него на родине. Из-за заслуг предков и знатности рода Виллардуэна великий магистр исполнил его желание. Кроме того, через присутствие знатного француза, Орден хотел показать, что на его стороне сражаются народы всей Европы, то есть свою несокрушимость и могущество.

Затем, для дорогих гостей Ягайло распорядился накрыть стол, за который были приглашены и некоторые литовские бояре. Кейстут же, сколько ни просил его племянник принять участие в трапезе, наотрез отказался сесть за один стол с крестоносцами.

Ночевать послы остались в замке, а утром начали собираться в обратный путь. Перед отъездом Ягайло вручил немцам ответные дары для великого магистра. В большинстве своем это были изделия из дорогих мехов или просто выделанные шкуры куницы, бобра, белки, горностая. Присутствовали и немногочисленные ремесленные изделия работы русских мастеров: хрустальный кубок, оправленный в золото и осыпанный рубинами; большое зеркало, длиною в пять четвертей и шириною в локоть, в раме из черного дерева, покрытого толстыми, литыми из серебра листьями и рисунками. Зеркало это Ягайло обнаружил в числе отцовской добычи. Вероятно, его захватили во время одного из походов на русские земли, а так как это драгоценное творенье не стоило Ягайле ни гроша, он с легкостью с ним расстался. Русские меха ценились довольно дорого на Западе, и надо полагать, магистр останется доволен ответными дарами.

На дорогу каждому из послов было выделено по тридцать гривен серебра, а их слугам по пять. При всей бедности казны Ягайло проявил неслыханную щедрость. Три десятка литовских воинов по приказанию Ягайлы провожали послов до самой границы Ордена.

7. Как быть?

Ягайло тихо вошел в неплотно прикрытую дверь своей почивальни. Там, пышногрудая девка взбивала пуховую перину. Тело ее сладко подрагивало в такт ударам по постели. Ягайло, подкравшись незаметно сзади, с наслаждением хлопнул ладонью по месту, где спина уже заканчивается, но ноги еще не начинаются.

Служанка смешно подпрыгнула, точно ужаленная, и отскочила в сторону.

– Позови ко мне Войдылло, – приказал Ягайло девке, видя, что та поглядывает на дверь с намерением покинуть комнату.

– Будет исполнено, князь, – пролепетала девка и, словно бабочка, выпорхнула в дверь. После нее в почивальне остался приятный аромат, вызванный употреблением настоя фиалки.

Вошедший Войдылло застал Ягайлу лежащим в постели.

– Ты звал меня, князь?

– Да, да. Садись, – указал Ягайло на стоящий у ложа стул. – Послушай, Войдылло, у меня из головы не выходят немецкие послы. Они знают о нас все. Более того, они знают положение дел в Великом княжестве Литовском лучше, чем я.

– В этом нет ничего удивительного. Я уверен, что каждый второй иноземный купец в нашем государстве является шпионом Тевтонского ордена.

– Так почему же мы их терпим, Войдылло? Почему бы нам не изгнать всех иноземцев из государства? Мы избавимся от шпионов, а заодно и пополним казну, отобрав у них товары.

– Нет, Ягайло, без купцов нельзя. Наши мастера не смогут из болотных руд выплавить столько металла, сколько необходимо государству. Без немецкого железа мы не сможем вооружить наши дружины. Без торговли угаснут города, а без городов погибнет и народ. Как ни могущественен народ, без городов у него нет будущего. Вспомни, князь, наших северных соседей – воинственных куршей. Теперь немцы собирают урожай с их нив. А половцы, некогда обитавшие в южных наших владениях и державшие в страхе Русь! Где они сейчас? От них остались только печальные каменные бабы, одиноко стоящие в степи. Еще раньше там жили скифы. От них остались разграбленные курганы, насыпанные над могилами царей и знатных воинов. И все потому, что жилищем для них служила кибитка на колесах. У кочевников не было купцов, их ремесленники больше воевали или пасли скот, чем занимались ремеслом. У скифов и половцев не для кого было строить города, и теперь об этих народах мы можем прочитать только в старых книгах.

– Откуда ты все знаешь? – удивленно спросил Ягайло.

– Я начал познавать мир вместе с тобой. Тайком я подслушивал рассказы княгини Ульяны, которые предназначались тебе. Прости за это... Когда у меня завелись деньги, я стал покупать книги у русских купцов. Многие прочитал в них и про историю нашего народа, и о твоём великом предке Гедимине.

– Что же написано в книгах о моем предке?

– Великий Гедимин всю свою жизнь покровительствовал ремеслу и торговле. В 1323 году он написал свои знаменитые письма, обращенные ко всем христианам и, прежде всего, к горожанам Любека, Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Кельна, Ростoka, Грейфсвальда, Штетина, Готланда. В них твой дед приглашает в Литву переселенцев из других стран, сохраняя за ними право верить в своего бога. Для гостей по распоряжению Гедимина были построены два храма римскому богу в Вильно и Новгороде. Гедимин открыл свободный доступ в свою страну, с правом покидать ее: рыцарям, воинам, купцам; а так же всякого рода ремесленникам: кузне-

цам, изготовителям баллист⁵, плотникам, каменотесам, сапожникам, кожевникам, мельникам, пекарям, лекарям, мелким торговцам, солеварам, серебряникам, оружейникам.

Переселенцам великий князь обещал защиту в городах, местах и селах своей страны. «Скорее превратится железо в воск и вода в сталь, чем я возьму назад свое слово», – писал он в письме. И не случайно Вильно было избрано столицей государства Литовского. Город стоял на пересечении торговых путей, через него шел кратчайшая дорога с Днепра к Варяжскому⁶ морю. От нашей столицы протянулись нити утоптаных трактов на Ковно, Ригу, Псков, Новгород, Москву и Краков. И теперь ты, Ягайло, хочешь оборвать эти нити ударом меча. Ты хочешь уничтожить многолетний труд своего отца. Ты хочешь изгнать всех иноземцев. Но ведь благодаря усилиям Гедимина и Ольгерда у нас в городе более половины купцов и ремесленников – иноземцы. Без них остановится жизнь в городе, шумную площадь торгова распадут лошади земледельцев под посевы ржи и проса.

– Ты считаешь, Войдылло, что следует оставить все как есть? – нетерпеливо перебил Ягайло слугу.

– Именно так, князь. Лучше не трогать змею – она не ужалит, пока не наступишь на хвост. У купцов много золота, и всегда найдутся люди, готовые за деньги убить кого угодно. Кроме того, у немецких купцов и ремесленников сильный покровитель – Тевтонский орден. Так что, в нынешнем положении изгнание иноземцев из государства для тебя равносильно самоубийству. Вспомни также, князь, о своих соотечественниках, купцах в Риге, Динабурге, Мальборке и других владениях Ордена. Какая судьба их ждет после того, как ты расправишься с немцами в Литве?

– Хорошо, Войдылло, купцов трогать не будем, собственно, я этого делать не собирался. Я только хотел узнать твое мнение, – согласился Ягайло с доводами слуги. – А что ты думаешь, друг мой, насчет предложенной послами помощи? Стоит ей воспользоваться или нет?

– Зачем же отказываться от помощи, князь? – усмехнулся Войдылло.

– Так, то оно так... Но не потребует ли Орден слишком высокую плату за услуги? – засомневался Ягайло.

– Что тебе терять, князь? У тебя, по сути дела, ничего нет, кроме титула – великий князь литовский. Старшие братья не желают признавать тебя господарем. Сначала надо взять власть в своем доме, а уж потом договариваться с Орденом о цене. Чем прочнее будет твое положение в Литве, тем меньше будет заботить тебя Тевтонский орден. Отдавать долги заставляют слабых, сильным бояться даже напоминать о них.

– Так и быть, до осени подожду положенной мне от братьев дани. Воздержусь от действий против них не из страха, а во имя светлой памяти отца, – в следующий миг лицо Ягайлы приняло суровое выражение. – Но если к осени они не вспомнят о великом князе литовском, придется говорить с братьями языком меча.

– Как бы не опоздать. Если твои братья объединятся, тяжело будет с ними сладить, – заметил Войдылло.

– Помолчи, пока я не рассердился. Вечно ты лезешь со своими советами, – оборвал Ягайло размышления слуги. – Пойми, это же мои родные братья, и я дал слово умирающему отцу, что не пролью их крови. А ты, как всегда, торопишь меня. Хочешь, чтобы я стал братоубийцей?

Войдылло сконфуженно молчал, опустив глаза. Он понял свою ошибку. Собственно, ошибки никакой не было – торопиться следовало, пока братья Ягайлы не укрепились в своих

⁵ Баллиста – метательная машина. Обычно использовалась для разрушения крепостных стен. Баллисты метали тяжелые стрелы, камни, окованные железом бревна, бочки с горящей смолой.

⁶ Варяжское море – Балтийское море.

княжествах и не объединили войска. Понимал это и Ягайло – понимал умом, но сердцем принять не мог. Родственные чувства на этот раз взяли верх.

– Иди спать, Войдылло, уже поздно, – сказал Ягайло слуге, который совсем был сбит с толку проявлением родственных чувств.

– Покойной ночи, князь, – пробормотал Войдылло и удалился из почивальни.

Ягайло задул последние две свечи у изголовья, и в комнате воцарился полный мрак. Но сон упорно не шел к Ягайле. Из головы не выходили проклятые немцы. Помимо разговора с Войдыллом, он беседовал с человеком, который говорил совсем другие слова.

Несколькими днями раньше в длинном замковом коридоре Ягайло лицом к лицу встретился с Кейстутом.

– Что хотели тевтонские послы от тебя, племянник? – с присущей ему прямоотой спросил старик.

– Собственно, ничего. Приехали поздравить по случаю избрания меня великим князем и передали дары своего магистра.

– О чем же был у вас разговор? – попытался выяснить Кейстут.

– В общем-то, обо всем и ни о чем, — неторопливо произнес Ягайло, на ходу обдумывая ответ. — Говорили о здоровье магистра, послы хвастались могуществом Ордена, француз рассказывал о своей родине и предках.

– И больше ничего не просили, не предлагали?

– Нет, – коротко ответил Ягайло, решив утаить от дяди кое-какие подробности беседы с Кросбергом.

– Что-то не похоже на немцев. Просто так они и пальцем не пошевелят. Но если крестоносцам надо чего-нибудь добиться, они не пожалеют ни золота, ни дорогих подарков. Ты получил от них богатые дары, но ни мгновенья не верь лживым тевтонским псам. Помни, Ягайло, крестоносцы щедро заплатят за то, чтобы посеять вражду между литовскими князьями, а затем прибрать к рукам владения каждого поодиночке. Единственное, что им от нас нужно – земли нашего княжества, наши ремесленники и землепашцы, которые будут работать на Орден. Напрасно ты отпустил послов, следовало бы заковать в цепи эту немецкую заразу, чтобы другим неповадно было мутить воду в нашем княжестве.

Кейстута можно было понять: вся жизнь его прошла в жестоких схватках с крестоносцами. «Что же говорило в Кейстуте, – напряженно думал Ягайло, – голос разума или злоба, накопленная в многолетней борьбе?»

8. Ягайло начинает действовать

Пришла осень, а вместе с ней и время сбора традиционной дани виленскому двору – подданины. Напрасно ждал ее Ягайло от старших братьев. Так и не получил он ни гривны серебра от Андрея Полоцкого, из Брянска от Дмитрия, из Киева от Владимира. Крупнейшие княжества Литовской Руси стали фактически независимыми. А если к этому добавить, что западная часть Великого княжества Литовского управлялась Кейстутом, то от наследства отца у Ягайлы почти ничего не осталось.

Лазутчики Ягайлы, которых разослал по непокорным княжествам предусмотрительный Войдылло, доносили, что Андрей Полоцкий один за другим шлет послов в Брянское и Киевское княжества, а на днях его боярин Алексей Селява отправился с дарами к великому князю московскому. Ягайло понял, что дальше ждать нельзя. Это твердил ему и Войдылло, описывая шаткость положения своего господаря.

И вот, в одно дождливое осеннее утро Ягайло преобразился, его вдруг охватила кипучая жажда деятельности. Никто не узнавал в решительном человеке бывшего беззаботного, ленивого юношу. Он твердо вознамерился силой оружия привести в повиновение старших братьев.

Наступили осенние холода. Ягайлу не остановило даже то обстоятельство, что военные походы начинались обычно весной или летом. Спешно создавалась дружина. Один за другим из ворот Верхнего замка выезжали на резвых конях гонцы, разнося призывный клич молодого князя по всем землям. Ягайло понимал, что для войны с тремя самыми крупными княжениями будет недостаточно рати, собранной в немногочисленных подвластных ему землях. Тогда он обратился за помощью к дяде. Кейстут одобрил намерения племянника и призвал дружины со своей половины княжества.

В стольный град начали прибывать вооруженные отряды из Апуоле, Гриеже, Медвига-лис, Берзгайнис, Кернаве. По улицам Вильно, которые служили и продолжением трактов из Троков, Полоцка, Укмерге и прочих городов, непрерывным потоком шли одинокие воины и целые боярские или княжеские дружины. Опасаясь за свои владения, привели воинов князя из династии Рюриковичей: Мстиславский, Слуцкий, Клецкий, Кобринский. Даже из далекого Новгород-Северского прислал дружину брат Ягайлы – князь Корибут.

Более знатные ратники размещались на территории Верхнего замка. Остальные воины располагались в Нижнем и деревянном Кривом замке, что находился на горе Антария, состоящей из трех возвышенностей – Бекешей, Крестовой и Столовой. Но вышеперечисленные укрепления не могли вобрать в себя постоянно прибывающее количество народа. Вооруженные люди ломались в дома перепуганных местных жителей. Иногда дело оканчивалось кровавыми стычками. Владельцы посессий, обнесенных высокими каменными стенами и превращенных в крепости, давали решительный отпор пришельцам. Но осенние холода, а вслед за ними и первый снег упрямо гнали воинов под крышу. После нескольких неудачных штурмов богатых особняков, ратники довольствовались приютом в убогих домах беззащитного черного люда Литовской столицы.

День и ночь трудились немецкие перебежчики Иоанн Ланцeberg и Фридрих Миссенский, обучая воинскому искусству литовских ремесленников и крестьян. Немало усилий приходилось потратить им на то, чтобы мозолистые руки, всю жизнь державшие соху или лепившие горшки на гончарном круге, научились сносно владеть мечем и сулицей, щитом и луком.

Воины и их учителя-немцы старались изо всех сил, ибо за подготовкой следил великий князь, который помимо того, что мог наблюдать за ходом учения из окна замка, и сам был частым гостем на поле мнимых сражений. Сегодня, несмотря на мокрый снег, сменившийся к обеду мелким моросившим дождем, он с Войдыллом наблюдал, как его собственные под-

данные – жители Крева и Витебска – рубят мечами толстые дубовые столбы, принимая их за воображаемого противника.

Подъехал Витовт. После избрания Ягайлы великим князем двоюродные братья почти перестали видаться. Государственные дела целиком и полностью поглотили молодого господаря.

– Приветствую тебя, Ягайло, – добродушно произнес Витовт.

– Здравствуй, брат, – ответил ему Ягайло с дружеской улыбкой, которая говорила, что он рад видеть родственника.

– Прими в свою рать еще одного воина. Отец поручил мне возглавить жмудские дружины.

– Я рад, Витовт, что ты будешь со мной в этой горькой войне, – с благодарностью промолвил Ягайло.

– Не печалься, брат. Ты воюешь за правое дело. Единство нашей державы должно быть сохранено – это завет покойного Ольгерда.

Витовт удалился также неожиданно, как и появился – прискакал гонец и передал какое-то распоряжение отца. Ягайло с Войдыллом снова остались одни, если не считать дерущихся со столбами ратников.

Войдылло о чем-то напряженно думал, изредка бросая взгляды на Ягайлу.

– Что тебя тревожит, Войдылло? Ты хочешь о чем-то меня спросить? – догадался молодой князь.

– Воинов нечем кормить, Ягайло. Опустошены все хлебные и мясные лавки. В казне пусто. Если дело так пойдет и дальше, то в Вильно начнется голод. Сегодня к Верхнему замку приходил крестьянин, у которого воины отняли овец. Надо что-то делать, князь: или выступить в поход или искать деньги, корм для лошадей, еду для людей.

– Обрадовал ты меня Войдылло, – озадаченно промолвил великий князь. – И самое неприятное то, что я не вижу выхода. Ты же знаешь, старшие братья не прислали мне ни единой гривны. Выступить в поход рано. Еще не все дружины подошли к столице, а из воинов, что находятся здесь, половина не умеет толком держать меч. Придумай что-нибудь, Войдылло, ты же всегда находил выход из любого положения, – умоляющим голосом попросил Ягайло слугу.

– Не обратиться ли нам, князь, к немецким купцам. Помнишь обещание Конрада фон Кросберга? Заодно посмотрим, чего стоят посулы крестоносцев.

– В твоих словах есть смысл, – оживился Ягайло. Бедственное положение заставляло его цепляться и за соломинку. – Когда же ты съездишь к этому всемогущему купеческому старшине?

– Да прямо сейчас, князь, – ответил Войдылло, не любивший ничего откладывать на потом. Тем более, дело не терпело отлагательства.

Через мгновение лошадь несла княжеского любимца в направлении слободы немецких купцов и ремесленников, а изрядно промокший Ягайло направился к Верхнему замку. У ворот его встречал Богдан, молчаливо ожидавший приказаний господина.

– Приедет Войдылло – немедля проводи его ко мне, – бросил Ягайло слуге, устало слезая с лошади.

Отобедав, Ягайло прошел в почивальню и улегся в постель прямо в одежде, сняв лишь сапоги. Медленно потекло время в ожидании Войдыллы. Стремительные события последних дней не давали покоя молодому князю, но вскоре обильный обед и усталость сделали свое дело. Ягайлу начало клонить ко сну.

Проснулся князь от осторожного, но довольно громкого стука в дверь.

– Кто там? – спросонья спросил он.

Дверь отворилась, и порог почивальни переступил Войдылло. Обрадованный Ягайло встал и бросил взгляд за окно. На землю медленно опускались сумерки.

– Ну, наконец-то явился! – возбужденно заговорил он. – Ты что так долго ездил?

– Прости, князь, пришлось отобедать в обществе почтенных немецких купцов.

Его слегка порозовевшее лицо и приторно сладкая речь говорили о том, что обед не обошелся без основательной выпивки.

– Я здесь лежу, волнуясь, жду, не дожусь, твоего возвращения, а ты в это время хлещешь немецкие вина, – отчитал Ягайло своего любимца.

– Прости еще раз, князь, но человек с человеком скорее договариваются за бутылкой доброго вина, нежели без нее. К тому же, я думаю, все твои волнения, господин, окончились сладким сном.

– Ладно, выкладывай, с чем вернулся. Довольно мне слушать пьяную болтовню, – нетерпеливо перебил речь слуги Ягайло.

– Приехал я ни с чем, а с кем. Меня сопровождает старшина немецких купцов – Ганул. Тебе, князь, придется договариваться с ним. Эта хитрая немецкая лиса даже спяну не выболтает ни одной своей мысли, он хочет иметь дело только с тобой. Но думаю, мы получим требуемое золото.

– Почему ты его сразу не привел?

– Не поведу же я дорогого гостя к тебе в опочивальню смотреть, как среди бела дня спит великий князь литовский, – с веселыми искорками в глазах молвил Войдылло.

– Тоже верно, – согласился Ягайло. – Где же он?

– В комнате для приема гостей.

Ягайло слегка освежил лицо водой, привел себя в порядок, и друзья двинулись по замковому коридору в направлении указанной Войдыллом комнаты. Едва они переступили порог гостевой, как сидевший там человек поднялся со стула и склонил голову в приветственном поклоне.

Лицо немца при этом оставалось ровным и спокойным. В его поклоне не было ни благоговейного заискивающего трепета подданных, ни надменной самоуверенности властителей. Купец приветствовал великого князя литовского, как равный равного. Можно подумать, что немец ежедневно встречается с владыками государств. Было что-то в умных глазах его, пронзительном взгляде, чертах лица такое, что заставляло Ягайлу мысленно признать купеческого старшину равным себе.

– Ну, что ж, приступим к делу, – заговорил первым Ягайло, которому не терпелось поправить свое бедственное финансовое положение. – Можешь ли ты предоставить в долг деньги, о которых просил Войдылло?

– Отчего же, князь, конечно могу. Господь учит нас помогать ближнему, хотя люди в наше время часто забывают добрые дела...

– Так дай же это проклятое золото, – нетерпеливо перебил Ягайло нравоучительную речь, до боли в ушах напоминающую слова послов Тевтонского ордена.

– Деньги ты получишь, светлый князь, – все так же спокойно и уверенно продолжал купец. – Но в свою очередь, я осмелюсь просить тебя о двух сущих безделицах.

– Что же ты просишь, Ганул? – Ягайло впервые назвал купца по имени. Надо сказать, что мать при рождении дала купцу имя мало похожее на нынешнее. Ганулом его стали называть простодушные литвины, упростившие имя немца до неузнаваемости. Правда, и купеческий старшина ничего не имел против нового прозвища.

– Во-первых, светлый князь, прошу предоставить немецким купцам право торговать во всех твоих владениях, платя пошлину только при въезде в Великое княжество Литовское.

– Считаю, что первое условие выполнено.

– Во-вторых, – продолжал Ганул, – твои воины не должны переступать границы Тевтонского и Ливонского орденов. Если же они придут на территорию, подвластную крестоносцам с целью грабежа, то должны быть наказаны твоей же рукою.

– Куда мне разевать рот на чужие территории. Как видишь, Ганул, я и в собственном княжестве не могу навести порядок.

– Мы, купцы, вынуждены думать о завтрашнем дне. В собственном доме порядок ты, можно сказать, навел. Сбранного войска достаточно для того, чтобы привести в повиновение братьев. Если светлый князь согласен выполнить мои маленькие просьбы, то пусть подпишет эту грамоту. Здесь изложено все услышанное тобой, – с последними словами купец, словно волшебник, ловким движением выхватил из левого рукава пергаментный свиток.

Ягайло принял грамоту из рук купца, но подписывать не спешил. Забота купца о землях крестоносцев насторожила литовского князя. Он вопросительно посмотрел на Войдыллу, но тот утвердительно кивнул головой: «Соглашайся». Еще мгновение, и витиеватая роспись Ягайлы легла на пергамент. Едва просохли чернила, купец тут же отправил договор обратно в рукав.

– Сегодня вечером тебе привезут деньги, – сообщил он князю.

– Не пожелает ли дорогой гость отобедать, – вспомнил, наконец, Ягайло об обязанностях хозяина.

– Благодарю, князь, но я спешу. Сегодня нам завезли товары из Любека и Штральзунда, – отказался купец, видя, что приглашают его больше из вежливости, так как время было далеко не обеденным.

Купеческий старшина сдержал слово. Вечером во двор Верхнего замка въехала усиленно охраняемая воинами повозка, которая спасла войско Ягайлы от голода.

9. В Москву

Слухи о военных приготовлениях Ягайлы дошли и до князя Андрея Полоцкого. Его лазутчики единодушно твердили о несметном количестве рати, собиравшейся в литовской столице. Ленивый братец снова опередил его.

Полоцкий князь не смог договориться с братьями о совместном походе на Вильно — при всей своей нелюбви к Ягайле на открытый мятеж они не решились. С войском только Полоцкого княжества нечего было и надеяться на успех. Андрей понял, что, еще не вступив в битву, он проиграл ее. «Придется бежать, как собаке от палки», — с горечью в сердце подумал полоцкий князь.

Бежать князь Андрей решил в пределы Московского княжества. Выбор был не случаен. Неделей ранее в Полоцк приехал посол от великого князя московского Дмитрия Ивановича с предложением о помощи. Московский князь зорко следил за всем, что происходило в Литве. Он также понимал, что шансов у Андрея удержаться в своем княжестве почти нет, поэтому, «в случае горькой необходимости» Андрей Полоцкий приглашался на службу в Москву.

В это время в Москве служил двоюродный брат Андрея князь Дмитрий Михайлович, женатый на сестре Дмитрия Ивановича, а родная сестра Андрея Полоцкого — Елена была женой двоюродного брата великого князя московского — Владимира Андреевича, который сидел в Серпухове. Так что, властитель Полоцкого княжества состоял в близком родстве с московским двором и не без оснований надеялся с помощью Москвы не только вернуть Полоцк, но и стать великим князем литовским.

Князь Андрей вышел из горницы и тут же встретил своего приближенного боярина Данилу Корсака.

— Ты мне нужен, Данила, — остановил его князь. — Пойди ударь в вечевые колокола. Я хочу говорить с полоцким человеком.

— О чем говорить будешь, князь? — недоуменно спросил боярин.

— Прощаться буду, — коротко отрезал Андрей. Видя, что боярин не спешит уходить, а приготовился раскрыть рот, чтобы разразиться новыми вопросами, полоцкий князь добавил. — Иди же, Данила. Недосуг мне с тобой ляссы точить.

Боярину, так и не удовлетворившему любопытство до конца, пришлось убираться восвояси.

Через некоторое время над городом встал тяжелый гул могучих, как и сила народа, вечевых колоколов, будоража людей и отрывая их от привычных, повседневных дел. Из широкого окна княжеских палат Андрей молча наблюдал, как вечевая площадь заполнялась его подданными. С высоты жилища люди, торопившиеся к месту вечеревого собрания, напоминали князю трудолюбивых муравьев. Еще немного постояв у окна, князь покинул палаты и, в сопровождении нескольких дружинников, направился к Софийскому собору.

Поднявшись на деревянный помост, сооруженный перед главным входом в собор, Андрей Полоцкий обратил печальный взор к своим подданным. В первых рядах вечников стояли люди, с которыми князю приходилось часто общаться — богатые земельные владельцы и купцы из родов Сорочковичей, Сущевичей, Мелешковичей, Козичей, Булавиных. Рядом с ними стояли путные и панцирные бояре — тысяцкие, сотские, десятские, подвойские. Эти люди как бы возглавляли собрание, а за ними сплошной толпой встал многочисленный черный полоцкий люд: гончары, шорники, седляры, кушнеры, портные, кожевики, муралы, резники и землепашцы.

Андрей Ольгердович терпеливо ждал, пока живой поток из кривых полоцких улочек прекратит стекаться на площадь. А люди продолжали идти к храму Софии, теперь уже из дальних окраин Полоцка и его предместий. Наконец, когда площадь заполнилась так, что негде было яблоку упасть, Андрей заговорил.

– Здравствуй на многие лета, народ полоцкий! – обратился он к своим подданным голосом, переходящим на крик.

Площадь ответила ему сплошным радостным гулом, в воздух полетели шапки, рукавицы. Лишь когда Андрей поднял вверх правую руку, людской гомон начал утихать, давая возможность князю продолжить речь.

– Прости, народ полоцкий, что оторвал тебя от дел, но времена для нашего княжества настали тяжелые. Младший брат мой – Ягайло – незаконно захватил литовский трон и теперь, собрав неисчислимую рать, идет на меня войною. Если я не покину город, литовцы разрушат его, прольется много крови. Поэтому, я хочу попрощаться с вами, полочане.

– Отец ты наш родной! Не покидай нас! Выстоим! Не отдадим литовцам города! – раздались крики со всех сторон площади.

– Спасибо, что не отрекаетесь от меня в трудный час, но все уже решено. Слишком не равные силы у нас с Ягайлом. Поэтому вы сейчас выберете нового князя. Низко кланяюсь тебе, полоцкий народ, бог даст, еще свидимся, – Андрей Полоцкий поклонился вечевому собранию и удалился с помоста.

Остаток дня бывший полоцкий князь провел за сборами в дорогу. А в это время, на вечевой площади до самой ночи шумели свободолюбивые жители Полоцка. И как не прислушивался Андрей, он так и не понял: какое решение принял народ, и кто будет их новым князем.

Ранним утром следующего дня Андрей Полоцкий с отрядом в двести человек отправился в путь. Войско его было достаточно большим, чтобы защититься от лихих людей, встречающихся на дорогах; и достаточно малым, чтобы быстро уйти от войска противника.

Состояла рать Андрея Ольгердовича из охотников, то есть тех, кто по своей охоте, добровольно последовал за ним. Одни были готовы идти за своим князем и в огонь и в воду из чувства преданности, другие присоединились к Андрею из жажды славы и приключений или просто из желания посмотреть новые земли. Все были статные, широкоплечие, как на подбор. Война стала для этих людей основным занятием. С беззаботным равнодушием они кочевали из княжества в княжество, отвергая и домашний уют и ласковых жен.

Прощальным взглядом окинул Андрей Ольгердович величественный семиглавый Софийский собор. Многие повидали стены храма за трехсотлетнюю историю. Они были свидетелями походов на город знаменитого Владимира Мономаха, видели тысячи заморских купцов и покрытых броней крестоносцев, были свидетелями славы и величия города, «черной смерти» и голода. И еще многие сотни лет будет радовать людей София Полоцкая блеском своих золотых куполов. Десятки князей сменилось за время ее существования, а она стоит, как немой свидетель мастерства и таланта народа.

Глухо стучат копыта лошадей княжеских дружинников по деревянной мостовой. Мимо проплывают каменные палаты бояр и богатого купечества Верхнего города. Окончилась Великая улица, а вместе с ней и территория Верхнего города. Отряд всадников въехал в Нижний город. И хотя каменные палаты сменились бревенчатыми домиками ремесленников, застройка города продолжала оставаться плотной. Постройки тесно примыкали друг к другу. Дворы были малыми и отделялись друг от друга тыном – оградой из вертикально вбитых в землю кольев. Из отапливаемых по-черному изб сизыми клубами валил дым. Кое-где из ворот выглядывали любопытные лица полочан, встревоженные топотом лошадей по мостовой. Под их провожающие взгляды дружина Андрея Ольгердовича покинула пределы Полоцка.

Сразу же за крепостной стеной раскинулись обширные поля, скудно припорошенные снегом. А вскоре показался и хозяин этих полей – Борисоглебский монастырь, расположившийся в

полоцком пригороде Бельчицы на берегу Двины. Возвели его в честь сыновей Владимира Святославича, Бориса и Глеба, которых убил их брат Святополк, прозванный Окаянным. Бориса и Глеба особенно почитали в среде княжеских дружинников, на Руси святых считали заступниками воинов.

Поравнявшись с монастырской церковью, князь Андрей остановил коня, снял шапку, повернулся лицом к храму и осенил себя крестным знаменем. Его дружина последовала примеру князя. Андрею хотелось сойти с коня, отслужить вместе с монахами заутреннюю, еще раз полюбоваться прекрасными церковными фресками. Но нужно спешить: зимний день короток, а путь предстоит немалый.

И вот, снова движется на восток отряд воинов. Встречный ветер подхватывает снежную пыль, поднятую копытами лошадей, и щедро осыпает ею всадников. С болью в сердце расстанется Андрей Ольгердович с Полоцкой землей, с городом, ставшим ему родным за тринадцать лет правления. Что ждет его впереди? «Каким он будет – хлеб чужбины? Суждено ли воротиться к тебе, Полоцк?» – горестно думал князь Андрей.

10. На торге

Пришла весна. Холодное тусклое зимнее солнце засияло ярким светом, ослепляя своими лучами прохожих и превращая потемневший снег в большие и малые лужи. Ночью зима пыталась вернуть свои владения, сковывая льдом растаявший снег, но утром с крыш домов снова падали сосульки, со звоном разбиваясь о ледяную корку. Вечно спешащие люди петляли между луж, кто помоложе, перепрыгивал через них.

Из ворот Виленского замка вышли два человека. Один из них, заглядевшись на суетившихся воробьев, не заметил, как ступил ногой на скользкий лед. Еще мгновение, и неосторожный шаг окончился падением в грязную лужу. Упавшим оказался великий князь литовский Ягайло, а в его спутнике без труда можно было узнать Войдылло. Подавив улыбку, Войдылло помог барахтавшемуся князю выбраться из лужи, а затем оба двинулись обратно.

Через некоторое время молодой князь, уже в другой одежде, вторично покинул замок. На этот раз он был гораздо внимательнее. Далеко стороною обошел Ягайло злополучную лужу, бросив на нее уничтожающий взгляд. Неторопливой походкой друзья шли по кривым виленским улицам.

Неприятное падение вскоре было забыто, и лицо князя снова выражало блаженство, спокойствие и уверенность. И на то были причины: он стал полновластным хозяином земель, полученных в наследство от отца. Причем, его огромное, собранное со всех концов княжества, войско, столь долго обучаемое ратному искусству, так и не понадобилось. Старший брат Ягайлы – Андрей Полоцкий – бежал в Москву, а его братьям – брянскому князю Дмитрию и киевскому Владимиру – ничего не оставалось делать, как покориться новому господарю. Так они и поступили, прислав в Вильно подданщину с изъявлением преданности и покорности. Большая часть ратников вернулась к мирному труду, а Ягайло снова предался развлечениям.

Сегодня великий князь литовский вместе с Войдыллом направились к любимому месту горожан. Конечной целью путешествия стала рыночная площадь, расположившаяся в центре города на скрещении улиц и дорог, ведущих из других городов. Ягайло тоже любил посещать всегда многолюдный и шумный торг. Как в бурное море, окунался он в эту разноязыкую толпу, разделившуюся на продающих и покупающих, но независимо от этого, одинаково громко кричащих. Горластые купцы наперебой расхваливали свои товары. Покупатели изо всех сил старались найти в товарах изъяны, чтобы сбить цену.

Продираясь меж толп своих подданных, запленивших рыночную площадь, Ягайло пошел вдоль торговых рядов, ухитряясь при этом рассматривать товары. От их обилия даже у великого князя разбегались глаза. Поражали красотой, и в то же время, пугали огромной ценой редкие византийские амфоры. Вокруг них собралось множество народа, но покупали люди, как правило, скромные глиняные кувшины. Бусы из сердолика, сделанные на далеком Востоке, соседствовали с украшениями из янтаря, одинаково привлекая и сводя с ума виленских женщин от желания их иметь. Бойко расходятся гребни из самшита, который произрастал в лесах Кавказа. Аккуратными отрезами и целыми трубами лежали фландрские и английские сукна, голландские и вестфальские полотна. Здесь же можно купить готовый наряд на любой вкус. К покупателям, приобретающим отрезы материй, нередко тут же подходили виленские портные, предлагая свои услуги.

По запаху можно найти рыбные ряды. Здесь можно купить и привозную сельдь, и сушеную воблу, и просто свежую рыбу, еще вчера плававшую в многочисленных литовских озерах и реках. Заморское вино, пиво, крепкие меды манили к себе любителей основательно повеселиться. Рядом с сушеными грибами, черникой, орехами лежали малознакомые многим литвинам пряности: перец, имбирь, шафран.

Быстро находили своих хозяев необходимые в быту изделия кузнецов: косы, серпы, безмены, замки, конские путы, ножи. Почтенные отцы семейств не могут оттянуть своих детей от лавки, где продаются погремушки в виде птичек, свистульки, яйца-писанки, украшенные поливным узором. Неизменным спросом пользуется соль, которая употребляется не только в пищу насущную, но и идет для засолки рыбы, применяется в кожевенном деле.

Вовсю работала рыночная важница, где купцы взвешивали товары; постригальня, в которой приготавливались для продажи сукна и прочие материи. По краям площади раскинулось несколько крамниц и хлебных лавок. Неподалеку от торгового расположились золотари, шорники, седляры, рукавичники, сыромятники, сапожники, гончары, меховщики, портные. Ягайло вспоминал, как в детстве они с Витовтом бегали сюда и подолгу, с интересом, наблюдали за работой ремесленников.

Обойдя рынок, великий князь вновь потянулся туда, куда больше всего влекло – в ряды, где продавалось оружие и боевые доспехи. Вот, он остановился у прилавка с кинжалами и залюбовался французскими мизерикордиями.

Хозяином товара был пожилой купец, однако, довольно крепкий на вид. По покрою одежды он не походил на жителей Великого княжества Литовского, да и манеры выдавали в нем иноземца. Во взгляде торговца не было ничего заискивающе-просящего, что присуще многим литовским и русским купцам. Спокойный и уверенный в добротности своего товара, торговец даже не пытался его расхваливать. Это было излишним: литовские бояре и служивые люди наперебой расхватывали его оружие.

Какая-то неведомая сила влекла Ягайлу к этому человеку, и он решился заговорить с ним.

– Как торговать, купец? – обратился Ягайло с традиционным в таких случаях вопросом.

– Мой товар везде пользуется спросом, князь, – ответил купец.

– Кто тебе сказал, что я князь?

– Что ты князь, это видно по богатому наряду. Я знаю, что ты, кроме того, великий князь литовский.

– Ну, это уж ни на моем наряде, ни на лбу у меня не написано.

– Плох тот купец, если не знает господина земли, на которой торгует. Прими в дар от меня, великий князь, эту мизерикордию, – купец протянул Ягайлу клинок, на лезвии которого лениво отсвечивало весеннее солнце.

– Вещь хорошая. И стоит дорого, – заметил Ягайло, принимая неожиданный подарок. – Не жалко расставаться, ничего за нее не получив?

– Для тебя не жалко, князь, – ответил купец. – Только за сегодняшний день торговли в твоей столице я получил доход гораздо больший, чем стоит эта мизерикордия. Так что, прими ее от чистого сердца.

– Что ж, благодарю тебя, купец, – сказал Ягайло и, будучи не в силах сдержать свое любопытства, продолжил завязавшуюся беседу. – Все никак не пойму: из каких краев ты будешь, торговый человек. Одежда и товар у тебя иноземные, а говоришь так, как будто родился в Вильно.

– Ты не ошибся, князь, я иноземец, но много лет торгую в здешних краях. Кроме родного языка, я понимаю речь пяти народов.

– Какой же твой родной язык?

– Немецкий. Я родом из города Висмара, который входит в торговый союз городов, именуемый Ганзой.

– Я слышал немного о таком государстве, но буду рад, если о нем расскажешь ты, – произнес Ягайло. Он не торопился уходить, и не только потому, что сделать это сразу после получения подарка было невежливо.

– У нас в Германии нет великих князей, подобных тебе, нет огромных княжеств, подобных твоему. Зато каждый князек, владеющий городом, или просто замком, считает себя неза-

висимым государем и беспрестанно воюет с соседями, чтобы отобрать у них деревеньку в несколько домов, или угнать крестьян. Больше всего от таких государей доставалось купцам. При переезде границ многочисленных княжеств, они должны платить подать каждому господину земли. Чтобы проехать с севера Германии на юг, купец был вынужден отдавать в счет уплаты различных пошлин почти весь свой товар. Но это еще полбеды. Каждый князь считал для себя особой доблестью ограбить купца до нитки, а иногда и убить, дабы скрыть преступление.

Вот тогда, чтобы оградить себя от притеснений вельмож и беззастенчивого грабежа, купцы Северной Германии объединились в союз. К середине нынешнего столетия этот союз, именуемый Ганзой, охватил почти все германские города, расположенные на берегах Бельта⁷ и Северного моря, и ряд других, связанных речными путями с побережьем. Главными городами нашего союза стали Штральзунд, Росток, Висмар, Любек, Гамбург, Бремен. Торговые конторы Ганзы есть в Новгороде, Ковно, Бергене, Стокгольме, Брюгге, Лондоне и многих других городах. Через русские княжества мы ведем торговлю со странами далекого Востока.

Государством наш союз назвать трудно. Каждый город, состоящий членом Ганзы, ведет свои дела самостоятельно. У союза нет ни общего правителя, ни общей казны, ни общего флота. Главная цель его состоит в том, чтобы совместными усилиями добиваться для своих членов привилегий в районах немецкой торговли.

– Как же Ганза защищается от посягательств соседей? – спросил Ягайло, еще более заинтересовавшийся странным государством.

– Как и все другие народы – воюем. В 1367 году король Дании Вальдемар IV захватил остров Готланд с городом Висбю. Тогда Ганза в союзе со Швецией и герцогом Макленбургским начала войну с Данией. Три года тянулась тяжелая борьба, но мы одержали победу. По миру, заключенному в 1370 году Ганзой и Данией в городе Штральзунде, наш союз добился снижения таможенных пошлин и получил четыре крепости в Сконе. Более того, датский король теперь не имеет права короноваться без согласия Ганзы.

– А князья есть в вашем государстве? Что они делают?

– Есть у нас и князья, и рыцари. Они воюют за наши интересы, а мы, купцы, платим им за это деньги, – ответил торговец.

– Да, – подумал вслух Ягайло, – интересное государство. Князья у них служат купцам, а купцы правят государством, да еще, в придачу, назначают короля в соседнем.

Лицо великого князя литовского застыло в задумчивости, но через некоторое время собравшись с мыслями, он задал очередной вопрос.

– Как долго ты будешь торговать в Вильно? Куда потом лежит твой путь?

– В твоей столице я пробуду еще дней десять, к этому времени дороги должны просохнуть. Затем, присоединившись к купцам из других ганзейских городов, отправлюсь торговать в Золотую Орду.

– И до Золотой Орды добралась Ганза? – удивленно промолвил Ягайло.

Упоминание об этом государстве вызвало новую порцию вопросов. Великий князь разобравшись с собственными мятежными подданными и теперь присматривался к соседям своих необъятных владений.

– В Золотой Орде мы частые гости. В основном, торг ведем в ее столице – Сарай Берке. В этом городе я был пять раз.

– И когда ты вернешься обратно? – спросил Ягайло, рассеянно пропустив мимо ушей ответ купца.

– Не скоро, князь. Когда листва, которая еще не распустилась на деревьях, уже начнет опадать.

⁷ Бельт – Балтийское море.

– Да, действительно не скоро. Что ж, как говорится – торопись медленно, – о чем-то о своем продолжал думать Ягайло. – А кто теперь ханом в Орде? – неожиданно спросил он.

– Этого я не знаю, великий князь; часто не знают имя своего господина и татары. Улус Джучи переживает сейчас трудные времена. Ханы в Сарай Берке меняются, иногда не процарствовав и года. Чтобы завладеть ханским тронem, сын убивает отца, брат брата. Но за всеми этими ханами стоит крымский эмир Мамай, который и правит страной в то время, как потомки Чингисхана выясняют родственные отношения с помощью отравленной стрелы или шелкового шнурка.

– Не мог бы ты выполнить маленькую просьбу? — спросил Ягайло.

– Для тебя сделаю все, что в силах ничтожного немецкого купца.

– Сможешь ли ты передать мое послание этому самому Мамаю?

– Отчего же, смогу. Великий эмир покровительствует иноземным купцам. Он часто принимает оных у себя и подолгу ведет с ними беседы. Но моя жизнь повиснет на волоске, князь, если твое послание окажется черной вестью.

– Об этом не беспокойся. Я думаю, Мамай останется доволен свитком пергамента, который принесешь ему ты. Если согласен выполнить мое поручение, то приходи завтра утром в Верхний замок. Заодно рассчитаюсь с тобой за мизерикордию.

– Хорошо, великий князь, завтра утром я буду в Верхнем замке, – ответил купец все тем же ровным и спокойным голосом.

Прощавшись с купцом и пожелав ему удачного торга, Ягайло с Войдыллом направились к выходу с торговой площади.

– Что ты думаешь о нашем разговоре с купцом? – спросил Ягайло спутника.

– Ты, князь, стал настоящим господарем. Ольгерд не ошибся в выборе преемника. Москва приютила Андрея Полоцкого, она берет под защиту всех бояр и князей, у нас нашководивших. Следует ей отомстить, а лучшего союзника, чем Золотая Орда, тебе не найти. Она тоже недовольна Русью, которая присылает ханам с каждым годом все меньше и меньше дани. Еще отец твой искал союза с Ордой, чтобы разгромить Москву, но у него так ничего и не вышло.

– Ну, что ж, Войдылло, – подвел итог великий князь, – пойдем в замок и хорошенько подумаем, что написать этому всемогущему Мамаю.

11. Возвращение купца

Лето 1378 года прошло для Ягайлы незаметно в заботах о своем княжестве, в думах о том, как сохранить полученное от отца наследство и преумножить его. Власть оказалась не менее лакомым куском, чем пуховая постель, и Ягайло с удовольствием предался государственным делам. Лишь изредка молодой князь позволял себе развлечься охотой в бескрайних литовских лесах и пущах. Он не был страстным охотником, как его брат, Андрей Полоцкий, но так как охота считалась непременным атрибутом титула князя, то и Ягайло был вынужден соблюдать эти, неизвестно кем и когда установленные, традиции.

Тем временем наступила вторая осень его правления. Однажды, случайно взглянув в окно, Ягайло заметил, как по дороге, ведущей к Верхнему замку, с трудом преодолевая непривычный крутой подъем, движутся два всадника. Несколько поодаль тащилась повозка с привязанной сзади лошадью. Двое слуг помогали явно утомленным лошадям подниматься в гору, на вершине которой расположился величественный, гордый и неприступный Верхний замок.

Ягайло внимательнее присмотрелся к приближающимся гостям и вдруг радостно стукнул себя ладонью по затылку. Он позволил себе этот далеко не княжеский жест, когда узнал одного из путников: «Это же купец, который повез мою грамоту в Золотую Орду!» Действительно, из дальних странствий вернулся наш старый знакомый ганзейский торговец.

Ягайло перевел взгляд на второго всадника и принялся с интересом его рассматривать. А любопытство спутник купца вызывал немалое не только у великого князя. На нем был надет яркий халат, из-под распахиваемой ветром полы которого виднелись широкие шаровары, такие же необычные для Литвы, как и халат. Смуглое, с желтоватым отливом лицо и узкие глаза как бы дополняли невиданный наряд.

«Что за странное привидение? – Ягайло не мог оторвать взгляда от спутника ганзейского купца. – Интересно, кого ко мне тащит немец?»

Гости приблизились к замковым воротам, и Ягайло, наконец, покинул свой пост у окна – нужно было готовиться к встрече гостей. Он вышел из комнаты и громко крикнул:

– Войдылло!

Одна из дверей почти сразу распахнулась, и в коридоре показался тот, кого звал князь.

– Войдылло, – обратился Ягайло к фавориту, – сейчас к замку приближается немецкий купец с каким-то странным человеком. Купца немедленно проводи ко мне, а его спутника со слугами размести в комнате для гостей.

Спустя некоторое время в дверь комнаты Ягайлы вежливо постучали.

– Входи, дорогой друг, – с широкой улыбкой встретил князь немца, и сразу же забросал его вопросами. – Как съездил? Благополучен ли был путь? Выгодно ли продал товар?

– Благодаренье богу, светлый князь, поездка прошла успешно. Товар свой продал выгодно, а на вырученные деньги привез много редкостных вещей Востока, за которые надеюсь получить хорошие деньги.

– Не беспокоили тебя в пути лихие и разбойные люди?

– Бог миловал, князь. О моей безопасности на обратном пути позаботился сам великий татарский эмир Мамай. Для защиты меня и моих товаров он отправил десятка три свирепых всадников, а также выдал охранную грамоту.

С последними словами купец достал из кармана и развернул перед князем длинный и узкий лист пергамента. Вверху его пестрели какие-то непонятные знаки, а от половины, русский текст гласил:

Предвечного бога силою
великого хана благоденствием

указ наш.
Предписывается
хакимам и дарагам
и охранителям путей и перегонов
приходящим и уходящим и прочим
то, что прибытие его
дорогим и ценным считая,
по обычаю
уважение и предупредительность ему
уместные оказывая,
через участки пути и дороги,
которые опасными являются,
невредимо его проводя,
неудобств и препятствий ему
не причинять,
животных его, людей и товар
в качестве улага не захватывать,
сборщикам тамги
по поводу торгового налога
притеснений не производить,
попечение в делах его
обязательным считать,
непременным признавать.

– Значит, Мамай хорошо тебя принял? – то ли спросил, то ли подвел итог Ягайло. – Ну, а ответное послание он мне не передавал?

– Эмир вместе со мной прислал человека. Прикажи позвать его, и ты узнаешь все, что передал Мамай.

– Э нет, подожди, купец. Прежде чем принять посла Мамаю, я хочу побеседовать с тобой о том, что ты слышал, видел в Золотой Орде, каково ее положение. Понимаешь, купец, я боюсь, как бы не проторговаться.

– Положение Орды неважное, князь. Ханы дерутся между собой, эмиры отдельных областей хотят отделиться от Золотой Орды. Народы, покоренные Чингисханом и Батыем, отказываются платить дань, или дают ее в меньших размерах. Вдобавок ко всему, военачальник Мамаю Бегич 11 августа сего года потерпел сокрушительное поражение на реке Воже от войск Дмитрия Ивановича московского. Кстати, в битве участвовал и твой брат – Андрей Ольгердович.

– Старательно служит братец новому господину, – процедил сквозь зубы Ягайло. – Расскажи мне, купец, все, что знаешь об этой битве.

– С каждым годом слабеет власть Орды над русскими землями, а в ответ на грабительские набеги золотоордынцев русичи совершают походы на их территорию. Так, зимою 1377 года воевода московского князя Дмитрий Волынский-Боброк отправился в поход на Булгар, где разбил войско мамаевых эмиров Асана и Мухаммед Султана. Мамай понял, что если он не разгромит непокорную Русь, то навсегда потеряет власть над ней. И вот он, дабы наказать мятежный улус, посылает против Дмитрия Ивановича лучшего военачальника — мурзу Бегича — во главе пяти туменов.

– Тумен – это что такое? – спросил Ягайло.

– Так называется часть войска, состоящая из десяти тысяч воинов, – пояснил купец, и продолжил рассказ. – Едва Дмитрий Иванович узнал о продвижении рати Бегича, наспех собрал войско и двинулся ему навстречу. Почти одновременно подошли к Воже полки мос-

ковского князя и тумены Бегича. Подошли, и остановились по разные стороны реки, не решаясь напасть друг на друга. Стояние это продолжалось несколько дней, а затем русские полки развернулись и принялись неторопливо отступать от реки.

Увидев, что противник отходит, Бегич отдал приказ своим темникам переправиться через реку и напасть на бегущего врага. Однако, едва первые два тумена оказались на другом берегу Вожи, как русские полки прекратили отступление и, в мгновение ока, построились в боевые порядки. Такой оборот дела очень не понравился многоопытному Бегичу. На миг он заколебался: не повернуть ли переправившиеся тумены назад? Но было поздно. Русские, несомненно, напали бы на отступающие тумены и уничтожили их. После недолгих колебаний татарский военачальник бросил навстречу русским остальные войска.

Вот они со стремительной быстротой переправляются через Вожу и тут же разбираются на десятки, сотни, тысячи... Русские же, терпеливо ждут, пока противник подготовится к бою. Наконец тумены построились для атаки и застыли в ожидании приказа Бегича. А старый татарский военачальник тем временем занимался осмотром русских порядков. То, что он увидел, потрясло и испугало. Он понял, что излюбленный со времен Чингисхана фланговый обхват противника не удастся. С одной стороны русские полки прикрывала река, с другой густой лес. Возможен был лишь лобовой удар, но навстречу рати Бегича стоял непоколебимый строй пеших воинов. Закованный в железо, закрытый длинными щитами и оцетинившийся копьями, этот строй был не поражаем для татарских стрел и не достигаем для легкой конницы. «Это конец», – сказал старый татарский военачальник, правда, его подчиненные не поняли роковой смысл двух слов и отнесли их на счет русских. Лишь один Бегич видел всю безвыходность положения.

Единственным спасением было: разломить живую железную стену русичей. И Бегич решился на этот шаг, бросив на прорыв лучшие войска. Однако, всадники, еще не приблизившись на полет стрелы, сотнями легли под ударами тяжелых стрел, выпущенных из арбалетов, или самострелов, как их называли на Руси. Те смельчаки, которые прорвались к русскому строю, пали вместе с лошадьми пронзенные копьями, не причинив ни малейшего вреда русским. Первая атака захлебнулась, вторую лавину воинов повел сам разъяренный Бегич.

Их постигла та же участь. Затем русские, все тем же сомкнутым строем, перешли в наступление и сбросили татар в реку. Жалкие остатки их спаслись бегством, на поле боя остался лежать Бегич и все пять темников. В руки Дмитрия Ивановича попал татарский лагерь вместе с обозом.

– А каковы потери русских? – спросил Ягайло.

– Очень малые. Я слышал имена двух знатных воинов в числе павших. Это белоозерский князь Дмитрий Монастырев и рязанский боярин Назар Кучков.

– Ты рассказал весь ход битвы так, как будто сам участвовал в ней.

– Битва меня заинтересовала, я беседовал со многими ее участниками, и поэтому так хорошо осведомлен. Из этого сражения можно сделать вывод, что Дмитрий Иванович московский достойный противник и отменный полководец. Тем более, многие утверждают, что русских на Воже было гораздо меньше татар.

– Ну что ж, купец, благодарю за оказанные мне услуги. Я их никогда не забуду и постараюсь отплатить тем же. Отныне, ты будешь беспощинно торговать во всех городах Великого княжества Литовского, и получишь грамоту вроде той, что дал тебе Мамай. Вот теперь можно побеседовать с татарским послом.

– Благодарю, князь, за доброту твою, – поклонился немец. – Я рад, что оказался тебе полезным.

– Войдылло! – позвал князь и, когда тот явился, приказал. – Проводишь дорогого гостя в трапезную, а ко мне доставишь его смуглолицего спутника.

Спустя некоторое время, шаркая пестрыми сафьяновыми сапогами, в комнату вошел татарский посол. Поклонившись князю, он тут же начал свою речь.

– Великий эмир Золотой Орды Мамай шлет тебе, своему брату, приветствия и желает счастливо царствовать много лет. Позволь моим слугам внести дары высокочтимого эмира.

Ягайло утвердительно кивнул головой, и татарин два раза хлопнул ладонями. Дверь распахнулась, и четверо слуг внесли серебряные подносы, на которых лежали золотые перстни, жемчуг, дамасский меч, тончайшие, прозрачные шелковые ткани и прочие дары. Поставив все это на ковер, слуги удалились.

– Хорошие вещи, – произнес Ягайло. – Поблагодари от меня эмира.

– Это еще не все. Главный подарок ожидает тебя во дворе. Будь добр, подойди к окну, князь.

Ягайло выполнил просьбу посла. Во дворе, нетерпеливо перебирая ногами и грызя удила, стоял резвый пятнистый жеребец. Конюх, ожидая приказаний, держал его за поводья с золотыми бляшками. Конь был действительно хорош.

– На какой же земле вырастили такого красавца? – спросил восхищенный Ягайло.

– Путь этого коня долог. Он родился в песках далекой Аравии и, в числе прочих, прислан нашему повелителю египетским султаном, – ответил посол и тут же добавил. – На этом коне, князь, никто не сможет тебя догнать.

– Я не заяц, чтобы от кого-то бегать.

– В таком случае, на этом коне ты настигнешь всех своих врагов, – поправился посол.

– Что ж, благодарю тебя и за коня, – сказал Ягайло. – Мы уже довольно долго беседуем, а ты, посол, так и не назвал своего имени.

– Меня зовут Джувейни, – представился, наконец, посол. – Я рад, что тебе, князь, понравились дары.

– А теперь, Джувейни, перейдем к главному. Ведь ты приехал не только за тем, чтобы вручить мне чудесные восточные вещи.

– Ты прав, князь, – согласился посол, – великий эмир желает иметь в твоём лице друга и союзника. Ты наверно знаешь о нашем поражении на Воже. (Ягайло утвердительно кивнул головой.) Так вот, эмир уверен, что подобная участь ждет и тебя. Москва с каждым годом становится сильнее, расширяя свою территорию за счет слабых соседей. И, если мы не объединимся, она поглотит и твое княжество, и Золотую Орду.

– Что предлагает твой эмир?

– Объединить войска Золотой Орды и Великого княжества Литовского и вместе ударить по Москве. На нашей стороне выступит один русский князь, возможно, присоединятся и другие.

– Кто же он? – заинтересовался Ягайло.

– Его имя ты узнаешь после того, как дашь свое согласие.

– Что я буду иметь от совместного похода в случае победы? – задал Ягайло вопрос, который больше всего волновал.

– Ты получишь Смоленск, можешь забрать себе Новгород и Псков. Думаю, лишившись поддержки Москвы, они признают твою власть.

– Но я хочу Москву.

– Кто же, князь, будет платить нам дань, если ты заберешь Москву. Золотая Орда лишится и того, что имела. Эмир не пойдет на такие условия.

– А если я не соглашусь на твои условия?

– Тогда Золотая Орда разделит Московию с присоединившимися к ней русскими князьями без твоего участия.

– Хорошо, Джувейни, я принимаю твои предложения, – сказал Ягайло, некоторое время подумав. Слишком велика была его ненависть к Москве, чтобы отказываться даже от таких довольно скромных предложений. – Когда Мамай собирается выступить?

– О сроках нашего похода мы сообщим позже, возможно, через нашего общего союзника. Его имя Олег – князь Рязани.

12. Бессонница Кейстута

Старого Кейстута, как и многих людей его возраста, по ночам мучила бессонница. В эти часы князь, в ожидании почему-то не идущего к нему сна, бродил по спящему замку наедине со своими думами.

Так было и сегодня. Покинув почивальню, Кейстут начал медленно прогуливаться по длинному коридору. Вдруг, в ночной тиши, до его слуха донеслись приглушенные голоса. Кейстут без особого труда определил дверь, за которой происходил поздний разговор. Комната, привлекавшая внимание Кейстута, оказалась почивальней Марии – сестры Ягайлы. «Кто бы мог быть у нее в столь неудобный час», – подумал Кейстут. Любопытство, конечно же, взяло верх над приличием – он остановился у двери и прислушался.

Разговор вели два человека. Один голос, женский, принадлежал Марии. Владельца второго, мужского, Кейстут долго не мог определить. Слова Марии, переполненные нежностью к собеседнику, отдельными обрывками долетали до старческого слуха князя: «Милый... разлучат... не смогу без тебя...» Мужской голос отвечал: «...будет хорошо... упаду перед князем...»

Наконец-то князь узнал второй голос – узнал, и весь зашелся от негодования. Кейстут с силой распахнул дверь почивальни – беспечные влюбленные не удосужились закрыть ее на задвижку. Взору князя открылось, при свете мерцающих свечей, невероятное: Мария лежала в постели, а Войдылло сидел около нее и нежно гладил распущенные волосы княжны.

Влюбленные испуганно обернулись на звук открывающейся двери и застыли от ужаса. Войдылло даже не смог отнять руку от прекрасных белокурых волос подруги. На пороге стоял Кейстут и трясся вне себя от гнева. Немая сцена продолжалась несколько мгновений. Нет сомнений, будь у Кейстута меч, он бы, не раздумывая, бросился на них и зарубил обоих. Наконец старик срывающимся голосом крикнул Войдылле:

– Холоп!.. Вон!

Войдылло не надо было повторять дважды. Едва Кейстут произнес второе слово, как его и след простыл.

– Проклятая потаскуха, грязная потаскуха, – прохрипел Кейстут в адрес своей родственницы и, не закрывая двери, вышел из почивальни.

Всю ночь не сомкнул глаз старый князь, для него вопрос чести стоял выше самой жизни. Случившееся ночью, по мнению Кейстута, ложилось черным пятном позора на всю великокняжескую семью, и на него лично. Ведь Мария была его племянницей. Дождавшись утра, Кейстут в большом волнении явился к Ягайле и сообщил ему ужасную, как казалось старику, новость.

На племянника события прошедшей ночи произвели гораздо меньшее впечатление, чем ожидал Кейстут.

– Да, дядюшка, твоя бессонница причинила больше вреда несчастным влюбленным, чем тебе, – весело заметил Ягайло. – Наверное теперь Войдылло не находит себе места в ожидании наказания, а у моей сестры от слез опухли глазки.

– Не понимаю, почему ты так спокоен, – молвил Кейстут, озадаченный весельем племянника. – Твоя сестра опорочена. Неизвестно, как долго они встречаются и чем занимаются в опочивальне. Как мы будем смотреть в глаза ее будущему мужу? Что скажут о нас люди? Ты должен немедленно повесить этого наглеца Войдылло, осмелившегося переступить порог почивальни княжны из рода Гедиминовичей.

– Если мы его повесим, то люди сразу догадаются, в чем дело, и честь моей сестры едва ли будет спасена. Войдылло нужен мне живым. Он умен, расторопен и незаменим в государственных делах. Если мы будем вешать таких людей из-за бабы, то кто же будет помогать управлять государством. Что касается будущего мужа Марии, то у меня есть кое-какие соображения по этому поводу. У нас имеется прекрасная возможность устроить так, что будущий муж не

обвинит Марию в преждевременной потере невинности, если, конечно, таковое событие имело место. Мы выдадим сестру за того, с кем она коротала ночи.

– В своем ли ты уме, Ягайло? Ты хочешь выдать Марию замуж за Войдылло? Дочь княжеского рода за простого холопа?

– Не такой уж простой холоп Войдылло. Он действительно родился человеком подневольным. А теперь у него сотни своих холопов и город Лида, который подарил мой отец, Войдылло побогаче иных князей. Я уверен: был бы жив Ольгерд, он поступил бы так же, как предложил я.

– Ну, знаешь, племянничек..., – в сердцах бросил Кейстут и вышел из комнаты. Слова Ягайлы огорчили его не менее, чем увиденное ночью.

Ягайло же решил, не откладывая, совершить то, что высказал в разговоре с дядей. Богдану было отдано распоряжение немедленно разыскать Войдылло и Марию, а также пригласить княгиню Ульяну. Первым появился Войдылло.

– Доброе утро, князь.

– Доброе, да не для всех, – угрожающим тоном ответил Ягайло на приветствие слуги. – Так где ты повстречался с Кейстутом сегодня ночью?

После этих слов Войдылло окончательно понял: зачем его вызвал князь. Он молча обдумал свое положение и пришел к печальному выводу – выкрутиться на этот раз не удастся, даже несмотря на поразительную его способность выходить сухим из воды. «Будь, что будет, – решил Войдылло, – положусь на судьбу».

– Что молчишь, поганец? Князь Кейстут сказал, что застал тебя в почивальне моей сестры. Вот как ты платишь за мою доброту!

– Прости, князь, – упал на колени Войдылло.

В это время на пороге появилась Мария и тут же побледнела как полотно, увидев стоящего на коленях Войдылло. Взгляды влюбленных встретились. «Ну, все, мы пропали. Прощай любимая», – говорили глаза Войдыллы.

– А вот и сестричка пришла, – с ехидной улыбкой молвил Ягайло. – Расскажи, Мария, как ты сегодня ночью чтит достоинство княжны рода Гедиминовичей. А впрочем, не надо – я все знаю от нашего дяди. Кстати, твоего любовника князь Кейстут хочет повесить на воротах Верхнего замка. А вот что с тобой делать – ума не приложу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.